

Алла Эрра

ЖЕНА

ГОСПОДИНА ИЩЕЙКИ

Алла Эрра

Жена господина Ищейки

«Автор»

2026

Эрра А.

Жена господина Ищейки / А. Эрра — «Автор», 2026

Я всегда шла против течения. Поэтому девочка из богемной семьи и стала следователем. Но кто знал, что служба в полиции приведёт меня в иной мир. Да не просто приведёт, а закинет в почти моё тело, но имеющее очень скверную репутацию и красавца-мужа. Он, кстати, собирается со мной разводиться. Новый вызов судьбы? Ладно! Мне не впервые прокладывать свой путь там, где другая бы уже сдалась! И я верю, что мне повезёт! ПЕРВАЯ часть истории семьи Ищеек. Обложка от Валерии Пономарёвой (LeraSmart.)

© Эрра А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1.	5
2.	8
3.	11
4.	14
5.	17
6.	20
7.	23
8.	26
9.	29
10.	33
11.	36
12.	39
13.	43
14.	46
15.	49
16.	53
17.	56
18.	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Жена господина Ищейки

1.

— Васильева! — начальственный голос в телефоне не оставлял никаких сомнений, что моё дежурство не пройдёт спокойно. — Там опера нарколабораторию накрыли. Бери дело себе и по результатам отчитайся.

— Так точно, господин полковник, — удручённо ответила я и повесила трубку.

— Напрягают? — поинтересовался Лёха Сулин, комкая очередную бумажку и пытаясь ловким движением баскетболиста всё-таки попасть ею в урну.

— Напрягают... — со вздохом призналась я. — Ехать надо.

— Так, забей. Потом от оперов бумажки подошьёшь и всё.

— Не получится, Лёш. Там Енот верховодит, а после него любые бумаги не читать, а в «Аншлаг» отправлять надо. Они даже до «Камеди» не дотягивают.

— Енотов? — рассмеялся Сулин, чей стол был рядом с моим. — Венера! Сочувствую! Прикинь! Я тут наши опусы решил собирать. Потом, когда выйду в отставку или попрут со службы, книгу издам оперских перлов. Енота придётся в соавторы брать, так как большая половина книги о нём будет.

— Большей половины не бывает, — по привычке стала объяснять я. — Половина — это пятьдесят процентов. А если «большая», то уже просто часть получается.

— Ну, ты девочка богемная, тебе виднее. Хочешь из «енотовского» последнего?

— Давай, пока собираюсь.

— Ладно! Сама напросилась. *«Труп лежал, пытаясь добраться в сторону двери, и широко смотрел в потолок открытыми грустными глазами с синяком с правой стороны. Пули в трупе, являющегося по совместительству соседом понятого Кочерыгина В.Г., принесли многочисленные раны, которые и были свидетельством смерти трупа.»*

На столе стояла початая бутылка водки и ещё две с нетерпением дожидались любившего выпить трупа в холодильнике. После немногочисленных опросов свидетелей по этажу выяснилось, что труп и местный алкоголик Борис Фёдорович Сборовских являются одним и тем же лицом, бывшим до этого живым.»

— Хватит! — прервала я этот треш.

— Зря. У меня там несколько листов и все без запятых, а также почти без заглавных букв. Короче, дело Енотов раскрыл практически на месте, но мне от этого не легче. Вот как у Сани это получается? Опер от бога, а как только садится писать отчёты, так в нём просыпается литературный дебил.

— Главное, чтобы мы нормально отписывались.

— Не спорю, Вена. Для следака важнее всего ясность изложения и хороший слог.

— Не «Вена», а Венера! Ещё раз так назовёшь, то устрою такую жизнь, что даже писать будешь заикаясь.

— Ой, всё! Включила опять богему! — примирительно улыбнулся он, подняв руки вверх. — Не дай моей платонической любви к тебе засохнуть из-за придираков!

— Жена в курсе?

— Платонические отношения не считаются за измену.

— Я ей при встрече расскажу о них, и пусть она сама решает: считается или нет.

— С козырей зашла, — притворно вздохнул Сулин. — Ладно... С этого момента записываю тебя в сёстры. В младшие, конечно. Так нормально?

— По званию подхожу. Уговорил. Но не забывай баловать «младшенькую» подарками хотя бы на Восьмое марта. А не так, как в прошлый раз: похлопыванием по плечу и воплем:

«Вена! С праздником! Пусть тебе начальник добрый и муж хороший приснятся!». Хотя бы с кладбища букетик принеси.

— Блин... Извини... Ипотека и из остальных долгов хвост немереный. Денег совсем не было, а моя дурь всегда бесплатная, — смутился он. — Ну не богаты финансами те, кто честно служит. Ты же знаешь, что за тебя любому горло порву и без праздника. Да и не только я.

Тут мне крыть нечем. Парни меня хоть и подстёбывают из-за имени и непростого происхождения, но случись чего, всегда подставляют своё крепкое плечо в мундире. Мне с ними повезло. Как пришла в отдел следачкой-практиканткой, так моментально все шефство взяли.

Уже третий год тут служу, но всё равно чувствую себя избалованной «дочерью полка». Даже заматавшие дежурные постоянно конфетами угощают. И самое интересное, пусть немного и обидно: никто не пристаёт с неприличными предложениями, хотя тут альфа-самцов хватает.

Прикалываются, естественно, но дальше разговоров дело не идёт. Мне реально повезло с коллективом. Как только переступила порог этого богом проклятого заведения, то сразу поняла: наконец-то я ДОМА!

Собрав все свои вещи, послала Лёшке воздушный поцелуй и вышла из отдела. Села в свою старенькую ржавую малолитражку и попыталась завести двигатель. Ни с первого, ни со второго раза эта гадина работать не захотела.

Отчего-то это привело меня в полное уныние. Попадалово... А ещё на улице поздняя осень: темно, зябко и дождь идёт. Сажу в машине и слёзы наворачиваются на глаза. Опять вложения в ремонт авто, а до зарплаты ещё почти неделя. Прожить денег хватит, если сильно экономить. Но ни на что большее отложить не смогу. Ни времени, ни личной жизни, ни денег... «Богема», блин!

Да, многие считают меня богемной девочкой, почти мажоркой, легко идущей по жизни. Ну а как по-другому, если мамочка — относительно известная актриса, а папаня — художник, неплохо зарабатывающий на парадных портретах всяких нуворишей, которым жалко тратить деньги на настоящих мастеров живописи. Вот мне повезло!

Богема... Да что знают о ней простые люди? Ничего.

Пьянство, загулы, интриги среди таких же пиявок от искусства, почувствовавших вкус денег и вседозволенности. Отец, поймавший «белочку» и с ножом в руке гонявший по большому дому собственную дочь. Мать на кокаине, ненавязчиво попытавшаяся ещё в несовершеннолетнем возрасте подложить меня в койку к одному сыночку олигарха, чтобы потом страсти с него «отступные» или выгодно породниться, если у детишек всё сложится.

Грязи много за кулисами тех, кого считают элитой, богемой или светочами культуры. Не у всех, конечно, так. Встречаются часто и нормальные люди, которых я искренне уважаю до сих пор и восхищаюсь их талантами. Но моя семья к подобным не относилась, а дерьмо имеет привычку притягивать к себе дерьмо.

Спасло меня от этой жизни то, что родители считали свою дочь выгодным товаром, поэтому круто вкладывались в моё образование. Причём отдавали в обучение не к подобным им распиаренным убожествам, а исключительно к нормальным, талантливым учителям.

Верно рассудили, что чем дочка будет лучше подготовлена, тем дороже её продать можно. Но мама с папой просчитались в одном: вместе со знаниями я переняла и моральные принципы своих учителей. Поэтому не стала такой же, как родители, моральной уродкой.

Даже в семнадцать лет отказалась поступать в театральное, хотя там было всё на мази из-за многочисленных любовников мамочки. Я к этому времени совсем взбунтовалась. Подстриглась коротко, бросила балетные танцы и записалась в секцию карате. Чуть было не начала пить и курить, но отвергла эту идею, чтобы не быть похожей на вечно дымящих нетрезвых родителей.

И ещё во мне проснулась невероятная тяга к справедливости. Почему всякие твари неслуженно жируют, ненавидя свою страну, а нормальный человек не может позволить себе элементарных вещей? Короче, бунт был глобальный, а не только внешний.

Ну а потом отказалась ехать за границу, несмотря на долгие проникновенные нотации о том, что в этой «быдлостране» культурным людям вроде моей семьи ловить нечего. Когда же я их повергла в шок своим отказом быть «элитарной» девушкой и заявила, что подала документы «в ментовку», то случился целый армагеддон в отдельно взятом загородном особняке. Какими словами орали «любящие предки», то ни один толковый словарь вместить не может.

В результате я превратилась из дочери в неблагодарную тварь. Родители сейчас обосновались где-то в «земле обетованной», проедая заработанные в России деньги. А я осталась на родине.

Стоит ли говорить, что мне ничего не оставили? Думаю, не стоит. Хотя вру! Оставшуюся от бабушки однокомнатную квартиру родственники не смогли отжать, так как она записана была на меня. В ней сейчас и живу, мечтая накопить денег и сделать нормальный ремонт.

Богема... Девушка из высшего общества... Везучая... Многие мои знакомые считают, что я действительно такая, родившаяся с «серебряной ложкой» во рту. Никого не разочаровываю, скрывая правду о своей жизни.

Пусть я для всех так и останусь странной фотомodelьной девушкой с не менее странным именем Венера, но зато знающей три иностранных языка, играющей на фортепиано и скрипке, разбирающейся в искусстве и закончившей юрфак с красным дипломом. Людям нравятся оригинальные персонажи — поражаю их собой. Хоть тут покажу все артистические навыки, что вложили в меня педагоги на подготовительных курсах.

Сжалившись над бедной хозяйкой, моя машина завелась раза с десятого. Я вытерла слёзы и улыбнулась. Нужно уметь радоваться маленьким приятным моментам в жизни. А то и до суицида недалеко. И обязательно улыбаться! Как бы тяжело на сердце ни было! Венера Васильева — это бренд нашего следственного отдела и должна вызывать зависть с восхищением. Ну а слёзы... Их оставим для подушки.

Переключив передачу, я поехала по адресу, где ждали своего следователя наши brave парни из оперативного отдела. Тогда я ещё не знала, что еду в новую жизнь.

2.

До промзоны, находившейся на окраине города, еле добралась. Зарядивший в темноте ливень растекался водою по лобовому стеклу, заставляя щуриться от резких фар встречных машин. Ненавижу это время года! Нет: дома под пледиком и с чашечкой горячего кофе вот прям уютно осенью, но не тогда, когда нужно переться чёрт знает куда, всматриваясь в дорогу через потрескавшееся в нескольких местах стекло.

По хорошему счёту, эту машину давно уже нужно продавать и брать что-то более приличное, но для этого нужны деньги. Да и как-то жалко расставаться со своей «старушкой», выручавшей меня и зимой, и летом. Как представляю, что она будет где-то гнить в гаражах, со снятыми колёсами и «раздетая» на запчасти, то стыдно становится. Будто бы предаю свою подругу. Дурная привычка одушевлять предметы иногда играет со мной злую шутку.

Место, где накрыли нарколабораторию, на промзоне нашла быстро. Сложно не заметить несколько полицейских машин с мигающими красно-синими люстрами. Заглушив двигатель, открыла дверь и бегом, чтобы не намокнуть, рванула к ангару, в одной руке сжимая зонт, а в другой — служебное удостоверение.

— Рассказывай! — потребовала у Енотова, стоявшего около входа и блаженно курившего свои вонючие сигареты.

— А чего рассказывать? — лениво произнёс он. — Всё по плану.

— По плану вы следаков привлечь должны были.

— Венер, ну, вообще время не позволяло. Наводку от одного нарика получил, что тут будет большая партия, которую некто Асламбек должен вывести этой ночью, и рванул с ребятами. «Тяжёлых» уже в дороге выклянчил у начальства.

А дальше, как всегда: соборовцы всех мордой в пол положили, мы провели небольшой допрос на месте и замерли послушными псами, тебя ожидая. Хорошо, что не Лёшку Сулина прислали. Этот зануда весь мозг чайной ложкой вычерпает.

— С тобой только так и надо. При захвате раненые или «холодные» были?

— Только слегка обделавшиеся, — хохотнул Енот, выбросив под дождь недокуренную сигарету. — Ну что, «Мисс полицейай»? Пойдём смотреть хоромы?

— Икота, понос и рвота, сойдите на Енота, — не осталась в долгу я. — Давай, Саня, показывай, чем нонче людям мозги дурят.

— Удивишься, но что-то новенькое нарыли. Химозина какая-то ядрёная. Ты чего про верт знаешь? Попрошу не путать с виртом.

— Краем ухом что-то слышала, но без подробностей

— Это потому, что вы, Венера Альбертовна, приличная девушка и что попало в нос не суёте. Верт примерно три недели назад в городе появился. Типа нюхательная соль, но привыкание мгновенное и мозги сворачивает начисто. Стоит пока копейки, но как только подсадится на него публика, то обязательно в цене взлетит.

У меня среди наркошей свои стукачи есть. И один из них доложил, что краем уха слышал про этот склад. Мол, Бага Седой тут дурь варит. И с барыгами из соседнего региона тёр о большой партии ночью.

— Простой наркоман присутствовал при таких переговорах? — не поверила я. — Бага с Асланбеком настолько стали неосторожны?

— Ну... Не совсем простой и не совсем наркоман, — нехотя признался Енотов. — Только, извини, в рапорте именно так и напишу. Своих информаторов тоже сливать не хочу. Ты потом посмотри, пожалуйста, и подчисти нестыковки, а то сама знаешь, как у меня с этим эпистолярным жанром. Готов кофе зерновым проставиться, раз ты не пьёшь ничего крепче.

— Уговорил, Саня, — улыбнулась я в ответ. — И можно без кофе. Ты меня столько раз сам выручал.

— Обязательно с кофе! Я не какой-то там Казанова: бесплатно женский труд использовать.

— Альфонс, ты хотел сказать?

— Тем более не он, хотя и люблю красивых брюнеток в форме следователя.

— Значит, фетишист.

— Это тот, что фисташки любит?

— Александр, — рассмеялась я. — Хватит придуриваться! Я же была у тебя дома, а там библиотека круче, чем у некоторых профессоров. Непонятно, почему с такой начитанностью ты нормально писать не умеешь.

— Для этого и читаю, чтобы вспомнить. Раньше вот мог, а как контузило, так и началась хрень непонятная. Задолбался уже ор начальника слушать...

— Контузило? — удивилась я новым подробностям из жизни Енотова.

— Не бери в голову, — махнул он рукой. — Ещё до тебя случилось. Лучше вот на эту «лабораторию грёз» посмотри. Скоро обещались криминалисты подъехать, поэтому надевай перчатки, чтобы свои отпечатки пальцев не оставлять.

Посмотреть действительно было на что! Это не кустарное производство, а почти промышленное. Я впервые с подобным сталкиваюсь. Но меня больше всего заинтересовало не это, а пол. Точнее: потёртости на нём, будто бы часто катали тележку. Вот и она, кстати, стоит.

Следы обрывались посреди ангара, около огромного металлического ящика с песком. Странное какое-то направление от конца конвейера к этому месту. Почему тащили тележку к песку? Он же для наркоты не нужен.

Задала этот вопрос оперативнику. Александр, отбросив в сторону шутовское настроение, нахмурил лоб и с минуту о чём-то размышлял.

— А ну-ка, — наконец вымолвил он. — Пойдём внимательно изучим следы. Гадом буду, если нет тайника замаскированного.

Наши с ним подозрения оказались верны. Ящик с песком был снабжён колёсиками, поэтому мы легко отодвинули его в сторону и увидели дверь в полу с электронным кодовым замком.

— Спецов надо: сами не откроем, — разочарованно вздохнул оперативник.

— Подожди, — остановила я его. — Видишь, многие цифры слегка потускнели? Значит, ими не пользовались. А вот более свеженьких всего четыре.

— Не вижу, если честно. Хотя... Если очень присмотреться, то что-то есть. Ну ты и глазастая, Венера! Сразу видно, что дочь художника.

— Ага. Доллар нарисую, от настоящего не отличишь. Ну что? Рискнём открыть?

— Если нельзя, но очень хочется, то можно. Если там склад, то огромную партию наркоты на себя запишем. И сверли дырочки под ордена!

Начали перебирать цифры. Примерно на десятой попытке раздался щелчок, и люк слегка приподнялся над полом. Осторожно открыв его, мы увидели лестницу, ведущую в тускло освещённый подвал. Первым полез Енотов, потом ещё парочка оперативников и лишь после них сама спустилась.

Реальная пещера Али-Бабы! Брикетов с голубым порошком столько, что будь это сахар, половина города смогла бы сутки с ним чай гонять! В шоке была не только я, но и все присутствующие. Быстро осмотрели помещение, но кроме большого совдеповского сейфа ничего больше не нашлось.

— Выбираемся, — покашливая, предложил Енотов. — Тут духотища такая, что дышать трудно.

Все направились к лестнице, а я немного задержалась. Не даёт мне покоя этот сейф. Словно напоказ выставлен. Да и несерьёзный какой-то...

Ради интереса повернула т-образную ручку на нём и потянула дверь на себя... Не заперто! Но обрадоваться не успела, увидев внутри лежащую гранату без чеки. Причём лежит она на какой-то ерунде, явно напоминающую взрывчатку, которой пользуются наши силовики. Это ловушка, которую я сама же и активировала!

— Бомба! — ору что есть мочи и, захлопывая сейф, отпрыгиваю за стеллаж с наркотиками.

Взрыв чуть не разорвал мои барабанные перепонки. Разлетающийся во все стороны голубой порошок забил глаза и нос. Но я, кажется, жива. Или нет? Внезапно закружилась голова и стало тяжело дышать. Пытаюсь позвать на помощь, но понимаю, что не могу. Свет в глазах померк, и я потеряла сознание...

— Госпожа приходит в себя, — слышу незнакомый голос на незнакомом мне языке.

Кажется, похоже на итальянский, но какой-то совсем неправильный, хотя его и понимаю.

— Чёрт! Дино, может, ей ещё налить? А то, как в прошлый раз буяннить начнёт, — отвечает ему другой взволнованный мужской голос.

— Нет. Может и плохо стать. Потом опять отмывай экипаж.

С трудом открываю глаза, фокусирую взгляд и вижу двух мужчин в странной одежде. Очень похоже на старинные камзолы. И меня везут в какой-то повозке. Карете господина Марко Ищейки. Откуда я знаю это имя и что это карета некоего Ищейки?!

Хотела было спросить у своих странных попутчиков, но изо рта вырвалось лишь невнятное мычание.

Блин! Я понимаю, что со мной! Это всё ненастоящее! Глюки! Я же столько наркоты в себя непроизвольно вдохнула, сколько не каждый наркоман со стажем сможет! Вот почему так плохо и мутит! Что там говорил Енот? Привыкание мгновенное. Я попала...

Господи, пронеси! Быть может, обойдётся без последствий? Ну, один раз ещё не наркоман? Так. Не паниковать. Если у меня «приход», то сейчас лучше всего не шевелиться и лишнего не болтать. Лучше полежать бревном, чем потом обо мне неадекватной по всему отделу байки ходить будут. Закрываю глаза и сплю, пока не отпустит. Это единственный выход. Главное: не привыкнуть... Главное: не привыкнуть... Лучше сдохнуть, чем такое...

Сама не заметила, как стала снова проваливаться в беспамятство.

— Опять уснула, — слышу вдалеке голос этого Дино. — Повезло. Лишь бы только до дома господина Ищейки не проснулась.

3.

Кто-то тормозит. Просыпаться не хочется: голова и веки настолько тяжелы, что кажется, будто из чугуна отлили. Но настырные сволочи не оставляют попыток добудиться меня. Нехотя открываю глаза.

— Госпожа, приехали, — говорит странный мужик, который... которого... я где-то видела.

Пытаюсь сказать ему пару ласковых слов, но опять получается какое-то нечленораздельное мычание. Оставив попытки пообщаться, встаю и выхожу из кареты. Вернее, не выхожу, а практически выползаю. Мир вертится перед глазами, и мне до такой степени дурно, что и словами не передать. Наверное, упала бы на землю, если бы меня не подхватили под руки и не повели, как пьяную, с заплетающимися ногами в дом.

Интересно... Это где у нас такие строения? Хотя сейчас на всё плевать, кроме кровати, на которой можно отрубиться.

— Дино! Она опять?! — горестно воскликнула появившаяся словно из ниоткуда, небольшого росточка полная старуха в старинном чепчике и сером переднике.

— Да, Люция, — отвечает тот, кто держит меня справа. — На окраине города, в таком месте нашли, что стыдно и вслух произносить. Как не ограбили или ещё чего хуже не сделали, ума не приложу. Видать, местная шваль знала, кто она такая, поэтому и не рискнули сунуться к лёгкой добыче.

— О, Мадонна! Несите госпожу в спальню.

Слово «спальня» мне очень понравилось, поэтому я, вскинув голову, опять попыталась завести разговор и поблагодарить за такое правильное решение, но язык, как и прежде, отказывался ворочаться. Блин... Вот же меня «накрыло»...

— Сегодня совсем плоха, — прокомментировала старуха моё мычание. — Бедный господин. У такого уважаемого человека и такая жена...

А вот это обидно! Мало того, что в галлюцинации без моего ведома меня женили, так ещё и критикуют. Интересно, а наркоманские глюки запоминаются?

Это была последняя моя мысль, перед тем как снова отключилась.

Ломит всё тело и жутко хочется пить. Горло пересохло до такой степени, что кажется горячим песком припорошённым. С трудом разлепляю веки и снова крепко зажимаюсь, спасаясь от болезненного яркого света, словно бритвой резанувшего по глазам. Господи, как же плохо...

Несколько минут пытаюсь справиться со слабостью и тошнотой. Вторая попытка открыть глаза. Получается. Медленно поворачиваю головой сначала вправо, а потом влево. Осмотр местности показал, что лежу на кровати посреди достаточно просторной комнаты. Это не моя спальня и быть ею не может.

Огромное окно занавешено плотными зелёными шторами. Но даже пройдя сквозь них, солнечные лучи неприятно бьют по глазам. Стена напротив окна украшена большим цветистым ковром. Рядом с ним стоит чайный столик на тонких витых ножках и два стула. Тонкая работа под старину.

Неподалёку камин, покрытый изразцами. Внутри него горит небольшой огонь... Теперь понятно, отчего такая духота. Ещё один похожий столик, только снабжённый множеством ящичков и большим круглым зеркалом, обосновался у другой стены.

А у меня продуманная иллюзия! Прямо будуар какой-нибудь мадам Помпадур. Хотя обратно в реал не возвращайся: там ждёт всего лишь неуютная обшарпанная однушка в «хрущёвке», которая по размеру чуть больше моей воображаемой спальни.

Но меня больше всего заинтересовала не обстановка, а стоящий на чайном столике кувшин. Пить! Жутко хочется пить, и ничто другое меня сейчас не волнует!

Сделав над собой героическое усилие, поднимаюсь и, шатаюсь, добираюсь до вожаемого кувшина. Хватаю его двумя руками и начинаю жадно глотать холодную свежую воду. Какой же это кайф!

Утолив жажду, немного пришла в себя и начала рассуждать более трезво. Итак, судя по этой музейной обстановке, наркотическое опьянение меня ещё не отпустило. По времени должно, но кто сказал, что я воспринимаю его адекватно? Быть может, то, что мне показалось целой ночью, на самом деле в реале заняло всего лишь несколько минут.

Странно, что ощущаю себя очень естественно. А этот кувшин с водой? Я ведь действительно утолила жажду! А что, если на самом деле пила не из него, а из лужи? Или вообще какую-нибудь «омывайку»? Бррр...

Да нет! Вряд ли! Александр Енотов мужик надёжный и не даст мне разгуливать голой по улицам, а также хлебать всякую дрянь. Скорее всего, нахожусь в больнице под наблюдением врачей. И это не музейная комната, а палата, в которой я, лёжа под капельницей, смотрю наркоманские сны.

Да, наверное, это самый правильный вывод. Кажется, всё встало на свои места. Но что-то опять стало скверно. Пойду-ка я ещё вздремну. Глюк не глюк, а сон всегда коротает время. Очень хочется побыстрее прийти в норму и стать собой.

Определившись с будущим, доплелась до кровати и рухнула на неё. Измученный мозг с радостью отключился, от усталости даже не подумав показывать сны.

Очередное пробуждение прошло намного легче. Единственное, сильно расстраивает, что до сих пор нахожусь под воздействием дряни: комната не изменилась. Зато на улице явная ночь. Взяв с прикроватной тумбочки подсвечник с двумя горящими свечами, подошла к окну, отодвинула штору и убедилась, что так оно и есть. Темно, хоть глаз выколи. Лишь только одинокий уличный фонарь пытается тусклым светом отогнать от себя черноту ночи. Но у него это плохо получается.

Поняв, что ничего интересного рассмотреть не смогу, как и в прошлый раз, направилась к столику. Заветный кувшин опять полон. С удовольствием ополовинила его и почувствовала несколько иное желание: ранее выпитая водичка начала проситься наружу. Блин, где тут туалет?

Стоп! А если это не воображаемое желание, а на самом деле мой организм испытывает естественные потребности? И стоит только расслабиться, так позора на всю палату будет? Ох, как же сложно приличной девушке совмещать воображаемое с реальным!

Долго мучилась. Но, наконец, поняв, что терпеть совсем немогут, открыла дверь и в поисках санузда ступила в тёмный коридор. Знакомая толстая служанка со свечой в руке появилась как чёртик из табакерки. Только в этот раз на ней была длинная ночная рубашка.

— Госпожа Анна! Госпожа Анна! Слава всем святым! Вы очнулись! Но зачем вы встали? Лекарь сказал, что с вами что-то не то, и велел не покидать кровать. Два дня, как-никак, в беспамятстве провалялись!

— Извините, не помню, как вас там... Мне сейчас не до разговоров. Туалет где? Ещё немного и лопну! — произнесла я, обращаясь к этой непонятной женщине.

И вдруг с ужасом поняла, что вместо слов опять вырывается лишь одно знакомое мычание. Старуха запричитала, только я даже прислушиваться к ней не стала, чувствуя, что до моего позорного фиаско осталось совсем чуть-чуть. Не могу в галлюцинации говорить? По фиг! Попытаюсь объяснить жестами.

Тридцатисекундная пантомима показалась мне целой вечностью. Слава богу, старушка оказалась достаточно догадливой, поэтому, взяв меня под локоток, отвела в знакомую спальню.

После этого присела и вытащила из-под кровати внушительный медный ночной горшок. Хотя тут будет уместнее назвать его вазой.

Возмущаться такому «санузлу» уже не осталось ни сил, ни желания. Жестом показав тётке, чтобы та срочно выметалась, я сделала то, что хотела. Какое облегчение! Теперь снова могу мыслить разумно, если подобное вообще возможно в моём неадекватном состоянии.

Примерно через минуту служанка... а у меня уже не осталось сомнений, что старуха — именно служанка, унесла посудину, оставив на время свою «госпожу Анну» в одиночестве размышлять о бренности мира.

Как-то это меня всё больше и больше напрягает. Пусть я и не специалистка по психотропным веществам, только не верится, что они так могут воздействовать на мозг человека. С другой стороны, и эта комната со странной служанкой не могут быть реальными. В голове полный кавардак!

От спутанных мыслей меня опять отвлекла принёсшая «ночную вазу» и запихнувшая её обратно под кровать женщина.

— Госпожа Анна, — произнесла она, — вы ложитесь, а не стойте посреди комнаты. Доктор же велел! И без этого дел натворили... А я говорила вам, что негоже так себя вести! Но кто будет слушать старую Люцию? Теперь сами расхлёбывайте.

Господин Марко в бешенстве. Вернее, он, как всегда, тих и немногословен, только к нему подойти страшно. Говорит вежливо, но словно одновременно с этим бой с демонами ведёт! И я его понимаю!

Я всего лишь глупая женщина, но многое в этом мире повидала! Но чтобы так кто-то унизил достойного человека, в вас души не чаявшего, то такого ни разу на моём веку не было! И ладно бы чужая ему были, но ведь жена. Каждый ваш неблагоприятный поступок на нём отражается. Какой разбойник будет Ищейку бояться, если он собственную супругу укротить не может. Ох, чую, быть беде... Ох, чую... А сердце старую Люцию ещё ни разу не подводило.

Так что ложитесь и спите, как доктор приказал! А то не только язык отнимется!

С этими словами служанка демонстративно задула свечи на моей тумбочке и гордо вышла из комнаты, унося с собой единственный источник света.

В темноте лежать неприятно. Хотела сначала взять подсвечник и зажечь на нём свечи от тлеющих дров в камине. Но потом подумала и...

Спать! Утро вечера мудренее!

4.

То, что я реально попала во всех смыслах этого слова, поняла, когда проснулась в следующий раз. Раздвинула шторы, и залитый солнечным светом маленький уютный дворик в средиземноморском стиле предстал перед моими глазами. Всё утопает в зелени.

Служанка Люция стирает бельё в огромном деревянном корыте. Неподалёку копошится среди клумб с яркими сочными цветами знакомый мужик. Кажется, его зовут Дако... Или Дино? К сожалению, затуманенная память первого дня знакомства с ним в карете не даёт точной информации. Из трубы небольшой летней кухоньки валит дым. Видимо, что-то вкусненькое готовится в печи.

От мыслей о еде моментально скрутило живот. Я столько дней провела практически на одной воде, что сейчас готова мамонта съесть... Можно без соли и даже с бивнями. Пожалуй, стоит одеться, спуститься к людям и попросить еды. А то желудок быстрее сам себя переварит, чем дождусь обеда.

Огляделась по сторонам. Никаких нарядов. Только тонкая ночная рубаха составляет весь мой гардероб. Выходить к людям в таком виде не стоит. Ладно Люция, но во дворе находится мужчина. Судя по одежде обоих слуг, времечко тут странное: какое-то дремучее. Стоит вести себя поскромнее, а то неприятностей огребу легко.

Тем более, судя по рассказу старой служанки, уже и так их имею немало. Что она про какого-то мужа говорила? Этот... Блин! Вот чёртова память! Марко Ищейка.

Как только в голове возникло это имя, то сразу же закружилась голова, и в мозгу стали всплывать странные картинки.

— *Дочь, — говорит неприятная молодящаяся тётка с хитрым колючим взглядом, — такого шанса упускать нельзя! Если молодой дон Верутти заинтересовался тобой, то из кожи выпрыгни, но сделай так, чтобы он остался рядом! Это шанс, Анна, приобщиться к аристократии.*

Ни в чём ему не отказывай. Улыбайся, кокетничай, делай так, как захочет Марко. Ты же первая красавица в нашей провинции, поэтому легко вскружишь ему голову. А ещё лучше, если понесёшь от него... Тогда семья Верутти от бастарда не отвертится, и всю жизнь проживём почти благородными, в молоке купаясь!

Не знаю, что ответила эта Анна, так как новый эпизод из явно чужой жизни предстал передо мной.

Небольшая старинная церквушка. В ней угадываются католические мотивы. Темно, душно. Пузатый священник, явно находящийся в хорошем подпитии, что-то бубнит, дыша неприятным перегаром. Рядом со мной... Со мной? Стоит высокий, стройный, лет тридцати или чуть меньше, мужчина с длинными, странного белого цвета волосами, собранными сзади в хвост. Его голубые глаза светятся от счастья, а на губах играет довольная улыбка.

Вот священник произносит громко и чётко.

— *Дон Марко Верутти и Анна Боско! Объявляю вас мужем и женой!*

— *Дорогая! — после долгого поцелуя заявляет новоиспечённый муж. — Теперь наше счастье закреплено не только на земле, но и на небесах! И никто не сможет разлучить нас: ни мои родственники, ни людская молва! Наш ребёнок будет законнорождённым. И мне очень хочется, чтобы кроме этого скорого первенца, появились на свет и другие дети. Много детей!*

Отчего-то, услышав это, меня... Или Анну? Охватило сильное раздражение. Хотя присутствовало и ликование, что теперь называюсь не какой-то там простолюдинкой Боско, а ношу благородную фамилию Верутти. Я сделала, что хотела!

Видения как резко пришли, так и ушли. Очнувшись от них, сидя на кровати с сильной головной болью. Но, слава богу, она быстро унялась.

Непонятно... Несколько минут назад я отчего-то решила, что всему виной не наркотики. И, быть может, смерть в том мире и перенос сюда — всё всамделишнее. Я попала в иной мир, реальность или чего-то там ещё. Но вот этот фортель с памятью заставил подозрениям вернуться на своё законное место. Подобное ни в какие ворота не лезет!

Хотя... Если допустить, что я в чужом теле, то почему бы и памяти чужой не быть в моей голове? Или её отголоскам. Это объясняет, почему я понимаю местный язык, так похожий на итальянский, но имеющий с тем, что я зубрила когда-то, сильные отличия. Только почему-то говорить не могу, только мычать. На insult не похоже: тогда бы моя болезнь одной речью не ограничилась. Ох, сколько вопросов и нет ни одного ответа!

Вспомнив о речи, попыталась в очередной раз сказать пару слов. Только вместо «мама мыла раму» с моих губ сорвалось непередаваемое «меониоаоа беоуоэ уэуа» Или что-то вроде этого, так как полностью хаотичный набор звуков не запомнила. Но они явно не имеют никакого смысла.

Сделала ещё одну попытку, потом ещё, чувствуя, что с каждым разом мой речевой аппарат оживает. И в какой-то момент услышала такое родное предложение про известную всем российским школьникам маму, пытающуюся помыть раму.

Ура! Значит, я не немая! Хотя что-то хорошего выяснила. Теперь попытаюсь сказать эту фразу не по-русски, а по-итальянски.

— Мамма лаваре финестра, — вслух проговаривая каждую букву, произнесла я вполне чётко.

Прелестно! Значит, с головешкой не так и «бо-бо», если иностранные языки остались в ней. Теперь повторим на местном наречии. И вот тут меня ждал сильнейший облом. Несмотря на то, что я легко перевожу всё сказанное мне Люцией, сама выговорить ничего не могу. Я просто не могу вспомнить нужных слов!

Получаюсь той самой собакой, которая всё понимает, но сказать не может. Видимо, есть серьёзные огрехи в моей памяти. Вернее, не в моей, а той, что осталась от прошлой носительницы этого тела.

Кстати, про тело! Я до сих пор не знаю, как выгляжу в этой реальной галлюцинации или галлюцинирующей реальности. Вскочив с кровати, подошла к дамскому столику и уставилась в зеркало. Отражение в нём смотрело на меня... Мной! Да! Это, без сомнения, я! Те же карие глаза, тёмные волосы, щёчки, носик, ушки и прочие части, которые не спутаю ни с какими другими. Даже возраст мой... почти... кажется.

Есть причины сомневаться, что, как и в прошлой жизни, мне двадцать семь лет. Уж больно всё потасканное, одутловатое. Как у ханыжки какой-нибудь, что тусуется у вокзала и предлагает продажную любовь по доступной цене. Смело можно годков пятнадцать накидывать, а то и больше. Ещё и ссадина на скуле...

Скинула ночную рубашу и стала разглядывать себя голую. Мдя... От спортивной подтянутости не осталось и следа. Былые, признаться, очень даже неплохие формы проглядывают, конечно, только общая запущенность ужасная. А огромный синяк на боку и ещё несколько небольших синячков на правой груди, будто бы её сжимали сильной ладонью, завершают весь кошмар.

Эта картина впечатлила меня до такой степени, что сама не заметила, как слёзы покатились по моим щекам. Я четыре раза в неделю посещала спортзал, где выкладывалась полностью, занимаясь рукопашным боем или фитнесом. Каждое утро начинала с пробежки. Пусть и не соблюдала диету, но не увлекалась чрезмерным обжорством, умея вовремя себя останавливать. Не пила, не курила. Я хотела отличаться во всём от своих родителей, поэтому не позволяла себе никаких поблажек.

И что сейчас вижу? Всё было зря. Опустившаяся тётка, которую не могла представить и в самых страшных кошмарах! Повезло, как утопленнице! Да что же со мной всё время всё не так?

Быстро надела ночную рубашку и отошла от этого гадского зеркала, отчаянно мечтая, чтобы всё-таки со мной случилось наркотическое опьянение, а не перенос в иной мир. Жить молодой развалиной не желаю! Ведь дальше будет только хуже.

Спасла меня от полупанического состояния Люция, без стука вошедшая в комнату с большим подносом в руках. Оооо... Еда! Причём её много и всё так одуряюще пахнет, что я чуть слюной не захлебнулась. Зелень, сыр, овощи и, как венец, небольшая запечённая курочка с золотистой корочкой.

Хочу, хочу, хочу!

— Госпожа Анна, — поставив поднос на столик, осуждающе произнесла Люция. — Вы опять вскочили. Так нельзя! Господин Марко зря, что ли, потратил на лекарей столько золотых? Хотите угробить себя — ваше дело. Только зачем транжирить деньги мужа? Хотя вам не привыкать. Я, конечно, всего лишь служанка и не имею права так говорить, но, глядя на то, как господин Марко мучается с вами, готова его в святые записать. Другой давно бы убил!

После этих слов она развернулась и вышла из комнаты, всем своим видом выражая недовольство моим поведением. И, судя по всему, оно относится не только к нарушению постельного режима, но и к чему-то ещё.

Честно говоря, абсолютно всё равно, кто и что мне сейчас будет говорить. Вид еды перебивает всё остальное. Подбежав к подносу, отломил куриную ножку и стала жадно её есть, закусывая куском свежей лепёшки и запивая холодным кисло-сладким морсом.

Хм... А у меня, оказывается, галлюцинация не только страшноватая, но ещё и обалденно вкусная! Хотя, если честно себе признаться, то уже не верю, что это бред моей воспалённой фантазии. Слишком всё логично и чётко, даже в мелочах.

Я в ином мире. Почему-то осознание этого никак не отразилось на моём эмоциональном состоянии. Видимо, жареная курочка для голодной попаданки — лучшее успокоительное. И свежий козий сыр, и компотик, и хрустящая, только что сорванная с грядки зелень... Мммм... Жизнь-то налаживается!

5.

Всё-таки сытый желудок настраивает на благодушный лад. Отвалившись от пустого подноса, удивилась сама себе: было столько еды и всю осилила. Раньше бы и четверти хватило насытиться. Теперь понятно, почему моё «отражение» такие бока наело. То, что я в теле своего двойника, в ином времени или мире, уже не сомневалась. Успела хорошо обдумать все странности, утолив первый голод и смакуя оставшуюся еду.

Жутковато? Конечно! Но паниковать от подобного нет смысла: всё равно истериками ничего не изменить. Нужно не поддаваться эмоциям, а постараться холодной головой решить, как жить дальше. Как выстраивать своё поведение с местными, чтобы они не поняли о переселении душ и не обвинили в различных неприятных вещах вроде одержимости дьяволом или того хуже. Хотя хуже, наверное, и придумать тяжело.

Люция несколько раз поминала святых, значит, достаточно религиозна. Если религиозна, значит, религия, а вместе с ней и церковь, должна присутствовать. Тем более, что сама видела венчание Анны и Марко Верутти. Так что одержимость — это не тот ярлык, который хотелось бы повесить на свою бедную шею. Ну и обвинение в колдовстве ещё сложно пережить...

Плохо то, что совсем не знаю местный уклад жизни. По хорошему счёту, совсем ничего не знаю. Обязательно подобное должно рано или поздно выбраться наружу. Но старая служанка говорила о том, что я серьёзно болела в последние дни. Уверена, что болезнь связана с моим переносом в тело. Но остальные же этого не знают!

Значит, буду «косить» под невменяемую. Тем более, что и с речью непорядок. Постепенно буду изучать местную жизнь и «выздоровливать». Да! Это самый лучший вариант! Так меньше всего вызову подозрений.

Следующий неприятный момент — муж. Судя по воспоминаниям Анны, ничего такой: не урод и даже в моём вкусе. По словам Люции, между мужем и женой серьёзные разногласия, если не сказать больше. Чем подобное вызвано? Марко — тиран? Поэтому Анна сбегает из дома и чудит, заливая своё горе вином? Хотя она мужа никогда не любила. Окрутить по приказу матери благородного господина получилось, а вот стать ему настоящей женой — нет.

Да и не смогла бы, пусть и первая красавица... Вот уж где «красота»! Сама ею в зеркале ужасалась! Так испоганить своё тело — это нужно уметь! Ладно, не будем о грустном. Простолудинка не может в полной мере соответствовать аристократу. Для этого необходимо либо с детства воспитываться среди благородного сословия, либо много учиться, подтягивая себя до высокого уровня. Анна же с учёбой явно не заморачивалась, предпочитая тупо транжирить деньги мужа в зланных местах.

Хотя, быть может, наговаривает на неё служанка, и всё не так мрачно. Только в любом случае, будь ты мужчина или женщина, одной постелью долго никого рядом с собой не удержишь. Должна быть общность интересов. Хороших, плохих — неважно.

Знаю на собственном горьком опыте, имея за плечами скоротечный, но многому меня научивший брак. Ещё будучи студенткой юрфака, в двадцать лет безумно влюбилась в одного очень милого, приятного парня. Познакомилась с ним, когда ночью возвращалась пешком от подруги. Почти у самого подъезда пристали ко мне двое подвыпивших парней с классическим подкатом: «Твоей маме зять не нужен?». Причём набивались в «зятя» оба, очень невежливо требуя, чтобы не ерепенилась и села к ним в машину.

Именно в этот момент и появился Славик, настучавший по пьяным рожам обоим «ухажёрам». Познакомились, а через месяц уже стали мужем и женой. Слава действительно был прямо парнем моей мечты. Красив, мускулист, без вредных привычек. Очень внимателен и с отличным чувством юмора. Живи с таким и радуйся своему везению!

Но вся беда в том, что он оказался «маменькиным сыночком», неспособным принимать решения без её участия. Уверена, что даже брак мне предложил с разрешения мамы, которая поначалу от восторга пищала, узнав, что я дочка «очень известной актрисы» из её любимых дешёвых сериальчиков. Славик же был продуктом маминой жёсткой любви, поэтому ничем в этой жизни не интересовался, ничего не хотел, плывя по течению и не пытаясь ничего сделать сам, пока мама или жена не прикажут.

Я же хотела большего: доказать, что чего-то стою. Даже не я одна, а наша молодая семья. Свекровь смириться с тем, что её «богатством» кто-то ещё распоряжаться будет, не смогла. Началась тихая война, готовая вот-вот перейти в громкую.

В этой непростой семейной ситуации Славик совсем скис и превратился в настоящую амёбу. Так долго не могло продолжаться. Через год мы с ним развелись, когда очарование друг другом сошло на нет. Спокойно, без ругани и ко всеобщему удовольствию. До сих пор по праздникам созваниваемся, но даже мыслей нет воскресить прошлые отношения.

К чему это вспомнилось? Будь я такой же бесхребетной, как Слава, или он более упорен, то наша совместная жизнь могла бы сложиться иначе. Но никто из нас не хотел меняться и в полной мере разделить жизненный уклад другого. Ему нравилось уютненько сидеть «под каблуком», а мне претило лезть под «каблук» свекрови. Разные векторы в жизни.

Уверена, что Марко и Анна тоже люди из разного теста. Одному опускаться до уровня простолюдинки никак нельзя. А она не дотягивала ни в воспитании, ни в образовании до аристократки. Конфликт неизбежен! Значит, с мужем придётся налаживать отношения.

Очень скользкая задача, однако. Допустим, я стала приличной женой, и Марко перестал сердиться. Что дальше? Обязательно захочет взять «супружеский должок». Я, конечно, не пуританка, но спать с чужим мужиком не собираюсь. Придётся игнорировать.

Итог: новая размолвка и жизнь в доме превратится в ад. Блин! Делать-то что?!

И ещё... Из видения я поняла, что Анна была беременной на церемонии бракосочетания. Где ребёнок? Люция несколько раз упоминала про мужа, но ни разу о младенце. Какая-то трагедия с ним произошла? Стоит разобраться.

Вспомнила про Люцию, и она сразу же появилась. Хмуро посмотрев на меня, взяла пустой поднос и произнесла.

— Госпожа Анна, ваш муж, господин Марко, ожидает в своём кабинете. Извольте привести себя в порядок.

В ответ я лишь возмущённо промычала, пытаюсь сказать, что нечем этот порядок наводить. Даже платья никакого не вижу! Но всё разрешилось само собой. Унеся поднос, Люция вскоре вернулась и открыла небольшую неприметную дверку рядом с камином. За ней оказался, к моему великому удивлению, не выход в остальные комнаты дома, а гардероб с десятком платьев и... Явно ванная комната с большой деревянной бочкой! Очень своеобразное совмещение! Про средневековые туалеты-гардеробы читать доводилось, но тут пошли ещё дальше.

Старая служанка сноровисто натаскала воды. Я же, раздевшись, залезла в бочку. Мыть меня никто не собирается и слава богу. Взяв мочалку, сама себя стала тереть, убирая всю грязь, что скопилась на коже во время многодневной болезни.

— Вот мыло, — протянула мне Люция тёмно-серый невзрачный комок. — Не изведите всё, как в прошлый раз. Господин Ищейка хочет растянуть остатки жалованья подольше.

То, что это мыло, сразу поняла по запаху, от себя мысленно добавив, что оно хозяйственное. Но лучше такое, чем никакого. После того как смыла с себя пену, больше напоминающую белёсый налёт, чем воздушные пузырьки, и, выйдя из бочки, обтёрлась широким льняным полотенцем, пришло время для косметических процедур.

Тут уже подключилась и сама служанка. Она вначале растёрла по моему телу ароматизированное масло. Пока оно впитывалось и сохли волосы, прошло минут двадцать. Потом настал

черёд причёски. Служанка ловко заплела косу и уложила её в круг на затылке, закрепив золотой заколкой.

Осталось лишь одеться. Тонкую нательную рубашку, очень похожую на ту, что носила до этого, но только свежую, я надела сама. А вот с красным однотонным платьем уже одной не справиться из-за шнуровки. Тут опять на помощь пришла Люция, затянув меня так, что будь я в состоянии членораздельно ругаться, то обязательно бы это сделала.

Немного отдышавшись, подошла к зеркалу. Теперь хоть на человека стала похожа, а не на запущенную бомжиху. Хотя до идеала ещё далеко, но не всё так печально. Немного спорта, здорового питания без сегодняшнего обжорства и если не приближусь к своему прошлому телу, то хотя бы встану на правильную дорожку к исправлению недостатков.

И возраст... Кажется, я даже чуть моложе прошлой себя. Убрать одутловатость, мешки под глазами и годиков на двадцать-двадцать два могу потянуть.

Налюбовавшись, жестом показала служанке, что могу идти. Вообще-то, терпения мужу не занимать, если до сих пор дожидается свою благоверную в кабинете. Мы почти час угрохали на приготовления. Нормальный мужик от такого обязательно должен взбеситься.

— Если вы себя не уважаете, то хотя бы проявите уважение к господину Марко, — неожиданно пробурчала Люция, явно не торопящаяся меня вести к мужу. — Он не затем покупал вам драгоценности, чтобы вы щеголяли в них перед другими.

О! Ещё и это! Я к ним раньше была достаточно равнодушна, но сейчас очень интересно добавить аксессуары к этому платью с небольшим, но притягивающим взгляд декольте.

Так... Драгоценности и прочие красивые штучки, по идее, должны храниться в ящичках моего дамского столика. Обследовав их, действительно обнаружила целую коллекцию модницы. Взяла набор, состоящий из кольца, тоненького ожерелья и двух перстней. Всё с рубинами, как нельзя лучше подходящими под цвет платья. Внимательно посмотрела на служанку. Судя по её лицу, нигде не накосячила.

— Хорошо выглядите, госпожа Анна, — нехотя отвесила она комплимент. — Теперь вы готовы встретиться с мужем.

И вот тут мне вдруг стало очень тревожно. Господин Марко Верутти, которого почему-то все называют не по фамилии, а Ищейкой, ждёт. И от этого человека во многом зависит моя судьба.

6.

Сегодня я впервые покинула свою комнату. Идя по полутёмному, длинному и очень узкому коридору, вертела головой во все стороны, пытаюсь оценить обстановку дома. Но, к сожалению, ничего интересного не увидела. Просто несколько деревянных дверей и парочка вмонтированных в оштукатуренную стену подсвечников, дававших хоть какой-то свет в коридоре без окон. Правда, на одной из стен заметила небольшую фреску.

Но как только я остановилась её рассмотреть, то Люция сразу же зашипела на меня, показывая всем своим видом, что не стоит заставлять хозяина ждать. Странная женщина. Не прошло и двух часов, как мне выволочку устроила за то, что не лежу в кровати, а теперь гонит вперёд, как козу на выпас. Где логика?

Путешествие наше закончилось, практически так и не начавшись: мы упёрлись в дверь, что находилась в конце коридора. Люция постучала в неё, потом, не дожидаясь ответа, приотворила и, просунув свою голову в образовавшуюся щель, поинтересовалась у обитателя комнаты.

— Господин Марко, прибыла ваша жена. Есть ли у вас время на неё?

— Пусть заходит, — не сразу, но прозвучал ответ.

Вот зараза этот Марко, муженёк недоделанный! Сам позвал, а теперь, видите ли, раздумывает, впускать или не стоит. Это позёрство, явно рассчитанное на публику для придания себе значимости, почему-то сильно взбесило меня.

Да... А нервишки, оказывается, всё-таки расшатала себе последними событиями. Раньше со спокойной ироничностью отнеслась бы к подобному. Но сейчас хочется разорваться и в лучших итальянских традициях начать бить посуду. Спокойно, Венера. Спокойно. Надутых индюков много, а ты у себя одна... Хотя после перемещения в очень похожее тело уже и не уверена в этом.

Но зато раздражение притупило то чувство тревоги, которое испытывала, идя по коридору. Так что в комнату Марко Верутти вошла собранной и в полной боевой готовности.

Наконец-то свершилось! Впервые могу полюбоваться на своего «названного» мужа живьём. А полюбоваться есть на что. Он такой же, как и в воспоминаниях Анны: блондин с приятными, правильными чертами лица. Но та «картинка» не передаёт всего даже наполовину!

Марко высок. Очень высок. Я и сама не карлица, имея росточку в сто шестьдесят восемь сантиметров. Но он под два метра. Или чуть пониже. Только всё равно рядом с ним чувствую так, будто бы стою под водонапорной башней.

Явно атлетически сложен, несмотря на стройность. Уверена, что под его чёрным камзол или мундиром с высоким воротником-стойкой скрываются развитые, переплетённые в стальные канаты мышцы.

Но даже не внешний вид больше всего поразил меня, а исходящая от Марко какая-то сногшибательная аура силы. Она не агрессивная, не подавляющая, больше напоминающая мощные защитные стены замка. Только есть ощущение, что в любой миг эта сила может подмять под себя любого, которого посчитает своим врагом.

Но мне сейчас всё равно. В голове вертится всего лишь одна глупая мысль о том, что супружеский долг с таким мужчиной — не такая уж и страшная участь.

Правда, всё очарование вмиг улетучилось, как только Марко пристально посмотрел на меня, оторвавшись от какой-то бумаги, которую изучал, стоя у окна. Его серые глаза... В них читается одновременно и грусть, и презрение. Брезгливость ко мне, словно я червяк, выползший из только что надкусанного свежего яблока.

Под этим взглядом чувствую себя неуверенно, как провинившаяся школьница в кабинете директора. Стою и не знаю, куда деть руки.

— Присяживайся, Анна, — уставшим голосом проговорил он, даже не попытавшись вежливо улыбнуться и поздороваться. — Предстоит серьёзный разговор.

Я послушно уселась на круглый деревянный стул с маленькой спинкой, плавно переходящей в подлокотники. Марко расположился напротив через большой, заваленный бумагами стол. Оба молчим. Я по причине невозможности разговаривать, а он, явно собираясь с мыслями.

— Анна... — наконец-то заговорил муж. — Когда я встретил тебя в том селении, то решил, будто бы ангел спустился с небес и предстал в образе самой обворожительной девушки в мире. Влюбился сразу, сильно, бесповоротно. Я готов был пойти на всё, лишь бы только быть с тобой рядом. И ты знаешь, что так оно и было.

Даже отречение от семьи Верутти, когда мой отец узнал о тайном венчании с простолюдинкой, не было для меня смертельным ударом. Я знал, что никакие титулы не могут быть ценнее нашей с тобой любви. Я с лёгким сердцем принял изгнание из баронства моего рода и стал служить в славном городе Борено, став вместо Верутти Ищейкой.

Твой обман о беременности воспринял очень тяжело... Ты помнишь эти дни. Но даже это не смогло заставить разлюбить тебя. И я простил, понимая, что у нас всё равно будут дети, которых так страстно желал до недавнего времени.

Но день ото дня ты всё больше и больше менялась. Вместо улыбки на твоём лице появилась вечная недовольная гримаса. Ты забросила все дела, вначале став тихо пить дома, а потом уже и в городских кабаках. Испортила отношения со всеми. Даже с добрейшей Люцией, поначалу в тебе души не чаявшей.

А наши страстные ночи с тобой? Скажи, Анна, куда они делись? В первый год нашего приезда в Борено ты ещё иногда допускала до своего тела. Но словно делала большое одолжение, а не потому, что любишь меня. Нам стало не о чем говорить. Кроме денег тебя больше ничего не интересовало. Я потакал, я дарил подарки и оказывал иные знаки внимания, не глядя в свой сильно оскудевший кошелёк. Надеялся, что бывлые чувства вспыхнут и мы...

Замерев на полуслове, Марко встал и снова подошёл к окну, оставив меня сидящей на неудобном стуле переваривать такие откровения. Я в шоке! Если это всё правда, и муженёк не пытается очернить свою жену, то мне трындец! Думаю, неспроста такая прелюдия. Видимо, очень скоро я стану разведёнкой, под зад коленом выброшенной на улицу.

— Теперь я знаю, что тебя всё время интересовали лишь мой титул и состояние семьи Верутти, — с болью в голосе продолжил говорить Марко. — Ангел оказался демоном. Не по любви, а ради выгоды ты затеяла эту авантюру с замужеством. Да, да! И не пытайся оправдываться! Я теперь всё знаю!

Когда тебя нашёл Дино в грязном притоне пригорода Борено, ты была в невменяемом состоянии от выпивки. Уже почти отдалась какому-то скользкому типу... Вовремя мой верный слуга вытащил тебя из-под него. Когда ты оказалась дома, то Дино честно поведал мне эту историю. Я не смог принять подобное и рванул в пригород. Нашёл этого грязного ублюдка, пытавшегося воспользоваться твоим телом, и хотел было его убить.

Но он, пытаясь сохранить свою жизнь, начал оправдываться, рассказав, что болтал твой пьяный змеиный язык. Как ты ненавидишь меня за то, что не стала знатной госпожой. Как тебе хочется жить во дворце или замке, купаясь в роскоши, а не прозябать здесь на жалкие гроши жалования того, кто раньше считался аристократом, а теперь не пойми кем. Кстати, «гроши» не такие уж и жалкие, — хмыкнул Марко, на секунду прервав свою эмоциональную речь. — Несмотря на то, что я больше не барон, кровь благородной семьи Верутти никуда не делась из моих вен. А значит, и столь редкий Дар тоже.

Его оценивают золотом по достоинству. Даже этот дом подарил Магистрат и не берёт за него налог в городскую казну. Подобное тебе в той горной деревушке, из которой ты родом, даже не снилось. Но, как оказывается, жадность и эгоизм не знают границ.

Это была последняя капля моего терпения, Анна. Я принял решение порвать с тобой. Навеки! Завтра же я отправляюсь в священный город Рем, где подам прошение на расторжение церковью нашего брака.

— Ауобелее ыамгео таооа, — вырвалось из моих уст, когда я попросила Марко не горячиться и спокойно обсудить создавшееся положение.

Ага! Обсудить, да ещё и спокойно! Размечталась! Тут двух слов связать нельзя, а не то чтобы затеять предметный разговор. И хотя я ожидала в последние пару минут нечто подобное, но всё равно воспринимать информацию, что скоро окажусь на улице, без эмоций сложно.

— Хватит! Я уже наслушался твоего вранья! — вскипел Марко, но потом замер, поняв, что несу какую-то абракадабру, и уже продолжил менее взвинчено: — Люция мне говорила о твоей потере речи. Теперь вижу, что так оно и есть. Быть может, это и к лучшему. Устал от лживых оправданий. Молчание тебе к лицу.

Ты, наверное, хочешь, в очередной раз пустив слезу несчастной овечки, спросить, как тебе жить дальше?

— Угу, — вполне внятно произнесла я эту короткую фразу, продублировав её кивком.

— Не волнуйся. Голой не оставлю. Срок моей службы на Магистрат Борено истекает через несколько месяцев. Думаю, примерно в то же время я получу разрешение на развод — такие дела рассматриваются церковью долго. После этого продам дом и уеду из Борено. Меня давно зазывают в другую страну, предлагая очень хорошие условия оплаты и даже титул. Да, Анна! Мой Дар Ловца Душ ценится серьёзно! Но не об этом сейчас речь.

Я намерен согласиться, чтобы быть подальше от гнетущих воспоминаний. Половину денег за проданный дом оставлю тебе. В память о той прекрасной девушке, которую любил... Пусть ты и оказалась коварной тварью, но подарила короткий миг счастья, заодно научив не доверять красивым мордашкам. Бесценный опыт...

Как ты распорядишься своей долей, решай сама. Хочешь — открой собственное дело, а хочешь — пропей и прогуляй всё, потом подохнув нищенкой под забором. Мне уже неважно.

Пока ты официально ещё моя супруга, поэтому по всем правилам приличия мы должны жить под одной крышей. Но я требую, чтобы ты как можно реже попадалась мне на глаза. Да! Больше от меня никаких денег не увидишь. Достаточно того, что будешь обеспечена едой и кровом.

И последнее... Ещё одна пьяная выходка или дебош в городе и готовься к тому, что даже половины денег за дом не получишь. Думаешь продолжить пьянствовать или употреблять иную дурманящую дрянь? Ради бога! Продавай драгоценности и тихо уничтожай себя, закрывшись в комнате и не высывая из неё носа. Хватит прилюдно позорить моё имя! Пусть я и наивный дурак, но подобного отношения не заслужил. На этом всё. Можешь идти. Разговаривать с тобой не хочу, да и нет возможности.

Встав, я на негнувшихся ногах покинула комнату Ищейки. Состояние после его длинного монолога ужасное. И моральное, и физическое. Нужно обдумать всё как следует, но для начала успокоиться.

7.

Оказавшись в своей комнате, я долго не могла прийти в себя после разговора с Ищейкой. Ощущение, что меня только что облили чужим дерьмом. По-другому и не назовёшь! Ладно бы это я всё натворила, но тут абсолютно иная ситуация. В том, что всё сказанное Марко — правда, почти не сомневалась. И от этого становилось ещё неприятнее.

Оказывается, я живу в теле корыстной пьяницы! Да и не в её теле, если разобраться, а почти в своём, только в ином отражении реальности. Как его прошлая обладательница могла до такой степени опуститься? Уму непостижимо! Хотя, если вспомнить моих родителей, то меня подобный исход мог постигнуть и там, откуда прибыла. Достаточно было пойти на поводу всей этой псевдобогемы и согласиться с её правилами. А дальше катись кубарем с горы, забывая мораль и нормальные человеческие отношения.

А эта Анна? Отчего-то перед глазами встал неприятный образ её мамы. Скорее всего, она и воспитала дочь в своих наихудших традициях, не привив ничего путного, а только жадность, эгоизм и остальные пороки. Не знаю, куда улетела душа Анны... Надеюсь, не в моё тело вселилось, а то ведь опозорит перед друзьями и коллегами по полной программе. Лучше об этом вообще не думать, а то с ума сойду!

Мне вообще не хочется рассуждать о перемещении душ и об остальных сложных вещах, которым всё равно не найду объяснения. Подобная мистика выше нормального человеческого восприятия, и нужно реально отдавать себе в этом отчёт. Сейчас важнее иное: как выжить.

Что я имею на руках? Есть где жить, не голодаю и худо-бедно, но деньгами после развода обеспечена буду. Интересно, насколько дорог этот дом и как долго можно протянуть на половину от его продажи? На этом, кажется, приятности заканчивается и начинаются сложности.

Я не знаю этот мир абсолютно. Я почти что брошенная жена без кола и двора. Скверная репутация — значит, мало кто захочет иметь со мной дело. По идее, все эти проблемы можно решить, если бы не самое главное из плохого: я не могу говорить. Очень хочется надеяться, что речь восстановится полностью, но ведь и гарантии этого нет. А мычащая корова не сможет построить вокруг себя новую жизнь. Это верная смерть от голода или в тюрьме!

Выпустив пар и немного успокоившись, почувствовала, что смогу относительно нормально мыслить. Один мой хороший друг всегда говорил, что если проблем накопилось много, то решать их нужно либо в порядке срочности, либо начинать с тех, которые можно решить наиболее быстро. Нельзя хвататься за всё сразу, иначе зароешься в ещё больших проблемах или рассудком двинешься.

Так и поступлю. От меня сейчас мало что зависит... Хотя нет! Моё тело! Мне не нужно ни с кем договариваться, чтобы привести его в надлежащий вид. Усилий на это потрачу немало, но задача выполнимая.

Чтобы вести переговоры с людьми и находить точки соприкосновения, нужна речь. В памяти есть всё, раз понимаю местных, но оно скрыто. Мозг тоже подвержен тренировке. Буду мычать, буду бубнить постоянно, пока извилины и серое вещество не напрягутся настолько, чтобы вернуть утраченное. Даже если и потерплю фиаско, то всё равно от бубнёжа хуже не станет. Быть может, просто подберу какие-то буквенные сочетания, типа сегодняшнего «угу» у Марко.

Всё сразу не исправить в плане репутации. Только стоит переменить о себе мнение у служанки Люции. По словам Марко, она добрейшей души человек, значит, должна быть отходчива. Я заметила, что Люция словоохотлива. Получается, она ценный источник информации.

Ого! Оказывается, я могу многое сделать, если мыслью не растекаться по древу, а сконцентрироваться на определённых вещах! Дальше пока ничего не стоит загадывать. Шаг за шагом,

ступенька за ступенькой, я буду покорять этот мир... Или ему покоряться. Это уже как получится.

Ощущение лёгкой определённости заставило меня немного взбодриться. Тем более, что пришла Люция и принесла ужин, по своим объёмам мало уступающий обеду. Я как можно приветливее улыбнулась насупленной служанке и кивком поблагодарила её за еду. Ничего не ответив, та лишь ехидно хмыкнула и вышла из комнаты, явно не желая оставаться рядом со мной надолго. Ничего! Будем исправлять!

И вот на ужине я столкнулась с первой проблемой, напрямую связанной с новым телом. Во-первых, аппетит. Мне стоило огромных усилий, чтобы не сожрать всё на подносе. Желудок и вкусовые рецепторы просто вопили, что хотят еды.

Это разгулялся аппетит прошлой Анны... Кстати, имя мне понравилось. Намного лучше, чем дурацкая Венера. Была мысль лет в шестнадцать изменить его на менее «божественное». Один из основных вариантов был именно Анна. Только в какой-то момент плюнула на эту затею, решив, что как бы ты ни относилась к своему имени, но первое, данное родителями, самое верное. Остальное — всего лишь игра слов и не более того. Теперь же я сподобилась поменять Венеру на Анну. Причём сделала это помимо своей воли. Да уж! Бойтесь своих желаний!

Вторая же проблема за ужином оказалась намного злее. У меня... «горели трубы» как у последней алкашки. Прямо скручивало всю от желания бухнуть не по-детски. Даже вкус еды казался не таким приятным из-за нехватки вина. Днём подобного не испытывала, а вот сейчас желание выпить сильное.

Видимо, Анна любила именно вечерние попойки, вот организм по привычке и требовал свою дозу. Только моё врождённое неприятие любого алкоголя удержало от попытки вернуть Люцию и умолять её налить стаканчик. Говорят, что женский алкоголизм неизлечим, но я уверена, что смогу опровергнуть эту теорию. Силы воли должно хватить.

Когда служанка вернулась, то с удивлением уставилась на поднос. Я хоть и съела почти всю зелень с четвертинкой лепёшки, но ни мясо, ни сыр не тронула.

— С вами всё хорошо, госпожа Анна? — вежливо поинтересовалась она.

— Угу...

— А чего не поели нормально?

— Бээ... Нэ...

— Всегда нравилось, а сегодня нос воротите! — по-своему интерпретировала Люция мой ответ. — Ну и не ешьте! Только если хотите этим меня обидеть, как стряпуху, то зря. Я на вас давно перестала обижаться. Что поделает, если такой выросли!

— Неа... Угу... Оооо...

Попыталась оправдаться я, показывая одной рукой на сердце, а другой на служанку и не переставая всё время улыбаться. Кажется, мой посыл частично был усвоен. Во всяком случае, дородная старуха стала хмуриться не так сильно и даже на прощание буркнула нечто, напоминающее «спокойной ночи».

Я же после её ухода взяла со стола заветный кувшин с водой и стала пить, пытаясь заглушить алкогольную жажду водой. Помогло мало, но иного способа облегчить это состояние не увидела.

А потом была бессонная ночь. Я ворочалась с боку на бок, но сон никак не хотел приходить. Чёртова Анна! Видать, любила ночами не только выпить, но и покуролесить. Оттого режим и сбился. Учтём этот момент. Значит, завтра никакого дневного сна, даже если на ходу глаза закрываться начнут. Дотерплю до вечера и сама отрублюсь. Так за пару дней и сменю ночное бодрствование на дневное.

Часов в пять утра я всё-таки отключилась. И впервые в этом мире ко мне пришли сны. В памяти они не остались, но знаю, что был калейдоскоп из фрагментов жизни Анны. Нераз-

борчивых, расплывчатых, словно рядом со мной проносятся вагоны очень быстрого поезда. И так продолжалось до тех пор, пока солнечный луч не лёг мне на лицо, заставив проснуться.

Вернее, он заставлял, а я упрячилась. С таким режимом Анна явно не вставала рано. Должна была спать минимум до полудня. А если ещё и пьяная ложилась, то и того дольше. Тоже будем искоренять привычку.

Практически за волосы вытащила себя из кровати. Прошла в свою ванную-гардеробную и умылась холодной водой, отгоняя дрему. Подействовало. Следующий этап — это утренняя гимнастика.

По привычке прошлого тела хотела начать с растяжки, но оказывается, что подобная роскошь мне недоступна. Значит, стоит составить новый план тренировок, учитывая неспортивность Анны. Это тоже легко проделала, имея за плечами не только спортивный опыт, но и балльных танцев.

Правда, в малолетнем возрасте родители пропихнули меня в балетную школу, но даже с их деньгами и связями меня через месяц оттуда выперли как бесперспективную. Пришлось семье ограничиваться менее пафосными вещами. И балльные танцы были самое то.

Составив мысленный план, почти час я измывалась над собой, стогая с себя семь потов. Знаю, что завтра будет болеть каждая клеточка этого запущенного тела, но выхода нет.

Именно во время зарядки и вошла Люция. Я как раз пыталась носком правой ноги дотянуться до ладони выставленной перед собой левой руки. Увидев эти странные махи, старушка, поставив поднос на привычное место, горестно вздохнула и произнесла:

— Совсем умом тронулась. Не дайте, святые, до подобного дожить. Госпожа Анна, вы бы лучше поспали ещё, а то в такую рань поднялись.

— Угу! Угу! — радостно поприветствовала я Люцию, сменив ногу с рукой и не прекращая делать махи.

— Только «угугукать» и остаётся... — задумчиво покачала из стороны в сторону головой служанка, покидая комнату.

Ну а я приступила к приседаниям, слушая непередаваемый по звучанию хруст в коленях. И это в двадцать с небольшим хвостиком лет... Эх! Мне бы ещё для полного счастья широкую длинную резинку и лёгкие гантельки! Вот тогда бы совсем «ушатила» Анну! Ну... то есть себя.

8.

После зарядки и завтрака я поняла, что мне себя просто нечем занять. Обычно я не любила сидеть на одном месте, а тут просто нет выхода. Изначально собиралась одеться и устроить осмотр если не города, то хотя бы дома, в котором живу. Но, выглянув в окно, увидела во дворе Марко, о чём-то разговаривавшего с Люцией.

И желание выходить из комнаты резко пропало.

Мне просто стыдно показываться ему на глаза после всего того, что услышала о себе. Не хочу видеть его презрительного взгляда. На самом деле я никогда не отличалась особой рефлексией, но тут её приступ со мной всё-таки случился. Всему виной то, что этот Марко Ищейка просто до мурашек поразил меня как мужчина. Поэтому очень сложно снова предстать перед ним той, о которой он думает с брезгливостью. Я лучше в комнате посижу, пока он не уедет в этот самый Рем за разводом.

Вот дура Анна! Такой шикарный персонаж рядом, а ей гулянки и пьянки интереснее были! Видать, совсем мозгов у девки не имелось. Ну и что, что Марко «разжалованный» барон? Но ведь явно не бедствует и на хорошем счету у местного общества, раз власти с ним контракты заключают, да и в другие страны на работу зовут. К тому же, судя по драгоценностям жены, совсем не жмот.

Есть много чего приятного, что я поняла о нём во время нашего непростого разговора и сопоставив некоторые факты в доме. Вот та же Люция... Как она со мной общается? Через губу, хотя и бывают небольшие проблески сострадания. А во дворе, увидев Марко, расцвела, словно не служанка, а бабушка, после долгой разлуки встречающая любимого внука. Столько тепла было в её взгляде, что мне даже завидно стало.

Поразило, что после всех выкрутасов Анны муж не просто собирается выгнать, а хочет обеспечить деньгами. Тут, конечно, всё не так однозначно. Говорить и наобещать с три короба можно чего угодно, а потом передумать. Но мне почему-то кажется, что Марко поступит благородно. Человек, променявший титул на любовь, явно не лишён определённого романтизма, хотя по нему и не скажешь.

Такие мужчины, как правило, редко отрекаются от своих слов. Есть, конечно, обыкновенные романтические слюнтяи, больше напоминающие тряпку, чем мужика. Вот они легко меняют свои решения при любой незначительной трудности, оправдывая собственное предательство высоко духовными мотивами. Но Ищейку слабаком явно не назовёшь. Наверное, всё-таки буду верить в своё светлое финансовое будущее.

Так! Что-то слишком много восхищения в моих мыслях о почти бывшем не моём муже. Нужно обращать внимание не на них, а на то, с какой стороны от Ищейки могут прилететь дополнительные неприятности.

И чего мы тут можем попытаться нехорошего раскопать? Во-первых, сама Анна. Допустим, влюбился в неё без памяти, то да сё... Но потом он словно стал «подкаблучником» с ней. У меня был уже один такой Славик. Различия между этими двумя мужчинами разительные, только всё равно настораживают.

Да и сама Анна не слепая, чтобы искать приключений на стороне при идеальном муже. Значит, не такой уж Марко и идеальный. Что, основываясь на прошлом следовательском опыте, можно предположить?

Прежде всего, насилие. Когда человек вроде бы и неплохой, но подвержен вспышкам неконтролируемой агрессии. Такого не любить, а бояться будешь, ожидая, что может сорваться и из милого котика в одно мгновения превратиться в бешеного тигра.

Чего ещё? Элементарную мужскую слабость в одном месте. Конечно, по возрасту вряд ли такое возможно. Ну а вдруг заболел серьёзно или так стресс после потери титула подействовал? Да много причин накопать можно! Вот и искала темпераментная Анна «разрядки» на стороне.

Подумав про такой вариант, сама себе мысленно покрутила пальцем у виска. Если кто-то тут и больной, то это явно я, потому что уже представляю Марко не совсем одетым. Никогда раньше, после первой же встречи с красавцами, со мной подобного не происходило. Тем более после такой короткой встречи, на которой с навозом смешали и с компостом развели. Всегда думала о мужчинах в эротическом ключе лишь при возникновении определённых чувств. А тут...

Стук в дверь заставил вздрогнуть. Промычав нечто вроде «войдите», я улеглась в кровать и накрылась одеялом. Не хочется перед посторонними светить своей полупрозрачной ночнушкой.

Марко... Он вошёл вместе Люцией и, равнодушно посмотрев на меня, заговорил:

— Мне доложили, что ты проснулась. Я сейчас с Дино отбываю по делам на несколько дней. На это время в доме старшей остаётся Люция. Её приказы и распоряжения воспринимать как мои. Всё понятно?

— Угу.

— Прекрасно. Надеюсь, что проблем не будет. Помни о том, что от твоего поведения зависит твоё же благополучие в дальнейшем.

— Угу.

Развернувшись, Ищейка вышел вместе с Люцией, оставив меня снова наедине со своими мыслями. Уф... Тридцать секунд рядом с Марко показались мне ещё тем испытанием. И это дурацкое «угу». Какой же непотребной идиоткой я выгляжу в глазах мужчины!

Но вернёмся к происходящему. Значит, Марко уезжает и можно смело отправляться на экскурсию. Одной, правда, не собраться, так как не могу нормально привести себя в порядок и надеть платье. У меня их около дюжины, но все со шнуровками. Как же хорошо жила раньше! Помылась под контрастным душем, просушила волосы феном и влезла в форму следователя или простые джинсики. А теперь из-за всякой мелочи целый ритуал устраивай.

Приняв свою тяжёлое положение как данность, вздохнула и стала ожидать, когда Люция снова соизволит посетить меня.

Та не заставила долго ждать, через полчаса зайдя и сурово объявив, что хозяин покинул дом. Я же с помощью пантомимы и междометий объяснила, чего хочу. Процесс одевания повторился, с той лишь разницей, что не стала надевать украшения.

Собравшись, начала с осмотра дома, суя свой нос везде, куда его можно сунуть. Второй этаж. Рядом с моей комнатой находится ещё одна, намного беднее и меньше размерами. Но чистенько и уютненько. Явно принадлежит женщине. Это, как понимаю, обиталище Люции. Теперь понятно, почему она так быстро появилась в коридоре, когда я искала туалет.

Следующая комната повторяет первую во многом, но явно не женская. Я несколько раз видела мужчину лет сорока пяти, Дино, слугу Марко. Значит, господа и слуги живут на одном этаже... Просто коммуналка какая-то!

А вот покои Ищейки рассмотреть не удалось. Две двери были заперты. Одна из них ведёт в кабинет, и там я уже была вчера. А вот другая, скорее всего, уже личные покои Ищейки.

Больше ничего интересного нет, поэтому спустилась по лестнице на первый этаж и сразу же попала в большую гостиную, посреди которой красовался огромный обеденный стол и несколько стульев, приставленных к нему. Тут тоже есть камин.

На его полке стоят массивные бронзовые часы. Дорогая штука для этого времени должна быть! Тем более это не просто часы, а целое произведение искусства, выполненное в виде парочки ангелочков, с двух сторон поддерживающих циферблат почему-то всего с одной стрелкой.

На стенах висит несколько картин. Они на меня не произвели особого впечатления: среднестатистическая мазня с пейзажами. Больше понравились огромные окна, дающие много солнечного света и ощущение пространства. Выйдя на улицу, увидела ещё одну дверь в дом. Оказалось, что за ней кладовка с припасами и широкий спуск в погреб. Но в него залезть не успела.

Тут же за моей спиной нарисовалась Люция.

— Так и знала, что вы прямиком к винным бочкам направитесь! — гневно воскликнула она. — Хозяин запретил вас сюда впускать!

— Нэа...

В очередной раз проклиная свою бессловесность, начала оправдываться я. Потом постучала пальцем по макушке, развела руки и грустно добавила, мотая головой из стороны в сторону.

— Бээ... Неа...

— Подождите, госпожа Анна. Вы чего мне сказать хотите? Что, и память вместе с речью отшибло? — догадалась прозорливая служанка.

— Угу! Угу! — так неподходяще к данному печальному факту, радостно закивала я.

— Беда, однако... А это всё за дела ваши! Будь вы приличной женой, то господь бы не послал кару такую. А теперь что с вами делать?!

Я лишь с самым удручённым видом пожала плечами.

Люция на какое-то время задумалась. Потом, приняв решение, произнесла.

— Госпожа Анна. Меж нами никакой любви нет, но не по-божески будет оставлять в беде больного человека. Так что давайте я всё вам заново покажу и расскажу. Но вот на улицу не выпущу! Хоть умоляйте, хоть деритесь!

Борено — город большой, и со своей памятью дырявой в нём быстро заблудитесь. А спросить дорогу и не сможете! Господин Ищейка, конечно, разыщет, но только по приезде домой. До этого времени бед не оберётесь! Договорились?

— Угу! — приложив руки к сердцу, благодарно кивнула я и неожиданно добавила. — Спазасиииб.

Сказала и сама очумела! Почти настоящее «спасибо» произнесла. Слово само всплыло в моей голове по частям. Каждая из них с небольшой задержкой, но появилось! Значит.... Значит, речь должна вернуться в ближайшие дни!

Не помня себя от радости, подскочила к Люции, обняла и расцеловала её в обе щёки, повторяя всё лучше и лучше с каждым разом.

— Спаээсиб! Спасииб! Спасибо!

От такого нежданного проявления чувств служанка отпрыгнула в сторону и произнесла:

— Точно! Шибанутая! Но хоть не кидаетесь вещами всякими и не орёте, как обычно.

— Спасибо!

— Да поняла я уже. Поняла. Пойдёмте, госпожа Анна, двор покажу. Только вы ко мне близко не приближайтесь пока. Чего-то боязно... Сейчас обнимаетесь, а потом и придушить можете. Пойми вас теперешнюю!

— Спасибо! — ещё раз с удовольствием сказала я, смакуя каждую буковку, а потом, слегка приподняв подол платья, чуть ли не бегом выскочила во двор.

Господи! Как же хорошо! Как же, оказывается, иногда мало нужно для счастья! Просто чтобы тебя понимали! Чтобы слышали твои мысли!

Лёд тронулся! И это ведь только начало!

9.

До самого обеда я ходила за Люцией «хвостиком», изучая дом и дворик, в котором живу. Услышала очень много нового, интересного. Заодно поняла, что и где лежит, а куда лучше не лезть. В принципе, ничего сложного. Обыкновенный деревенский быт, хотя тут и гордятся тем, что они якобы горожане. Служанка, во всяком случае, точно. При каждом удобном случае она расхваливала свой городишко, словно это пуп Земли.

Я же пыталась всё запомнить и заодно улучшить свою речь. Но с последним, к сожалению, вышел маленький обломчик. Кроме как «спасибкать», пока ничего не получается. Только я не сдавалась до тех пор, пока Люция не выдержала.

— Госпожа Анна, ну перестаньте вы меня благодарить! Уж лучше угугукайте, как раньше, а то уже тошно от этого «спасибо». На год вперёд наслушалась.

Пришлось заткнуться, хотя так и подмывало продолжить эксперименты с речью. Зато после ужина, оставшись одна в комнате, я оторвалась по полной программе. Не сдавалась ни на минуту и в надежде, что всплывут другие слова, повторяла «спасибо» пока не осипла.

Ну нет, так нет. Не буду торопить события. Главное, что теперь появилась уверенность, что речь от меня никуда не денется. Займёмся другой проблемой — собственным телом. Вечером не стала его сильно нагружать физическими упражнениями, но правильно подышать и немножко потянуться стоит. Кое-что из йоги помню, и это придётся как раз кстати.

Люция вот как специально подгадала, когда я стояла на одной ноге с вытянутыми вверх руками. «Поза дерева» называется. Но больше «дерево» напонила служанка, застывшая и вытаращившая на меня глаза.

— Госпожа Анна, — сочувственно произнесла она, отмерев, — уж если вас так без вина крутит, то давайте маленький стаканчик налью. Только хозяину не говорите.

— Не-на-до, — на выдохе расслабленно произнесла я. — Это не бо-л-е-знь, а упраж-нения.

— Никогда не видела.

— Пото-му что тут такого не...

И лишь в этот момент я осознала, что не просто мычу с благодарностями, а веду нормальный разговор. Видя моё очередное безумно-счастливое выражение на лице, Люция от греха подальше поставила на столик поднос с ужином и попятилась к двери.

— Да подожди ты! — расхохоталась я, наблюдая за служанкой. — Не буду я тебя душить. Хотя весь белый свет обнять сейчас и очень хочется.

— Ишь ты! Заговорили! — всплеснула руками Люция, наконец-то тоже поняв, что сейчас произошло. — А память как? Мозги на место встали?

— Нет, — ещё слегка растягивая слова с непривычки, призналась я. — Бывает, что-то мелькает в голове, а потом опять словно белый лист. Тебя с Марко и то смутно помню.

— Это всё потому, — завела она привычную пластинку, — что живёте не по-людски.

— Знаю, тётушка Люция. Кара то мне небесная. Предупреждение хорошее получила. Чуть не умерла и, находясь между жизнью и смертью, осознала, насколько жила несправедливо. Теперь буду исправляться.

— Исправляться? — подозрительно прищурилась старушка. — Уж не играть ли вздумала с господином Ищейкой, чтобы разомлел да простил? Возле тёплого местечка удержаться думаете?

— Вряд ли он простит. Слишком много всего нехорошего между нами было. Так что понимаю, что скоро останусь одна. А вот у тебя хочи прощения попросить.

— Весь день только этим и занимались!

— И всё же. Не знаю, не помню, чем тебя обидела, но искренне сожалею о своих словах и поступках. Постараюсь больше не поступать скверно. Ну, а если случайно или по недомыслию снова задену, то говори смело. И ещё, тётушка Люция. Ты старше меня, так что называй просто по имени, без «госпожи». Тем более скоро ею быть перестану.

— Не положено хозяевам тыкать, — наставительно произнесла она. — Коль на службе, то этот... Этикет имей! Да и развод быстро не делается. Сейчас господин Марко только прошение подаст. Потом несколько месяцев разрешение ждать будет. И лишь потом священник ваши узы расторгнуть сможет в той же самой церкви, где и венчались. Так что вы тут долго ещё будете.

Но слова мне ваши по сердцу. Уж простите, пока им не очень верю, но надеюсь, что Господь действительно очистил вашу душу. Поживём, посмотрим, а там уж и решать будем. Вы бы сейчас покушали лучше, а не со мной, старой, разговоры вели.

— Обязательно поем. Ну, а поболтать очень хочется после стольких дней безмолвия. И ещё... Тётушка Люция, ты мне столько еды не клади. Давай договоримся, что с утра достаточно немного каши, половинки лепёшки. Чая, кофе или молока стакан. На обед — мяса или птицы, примерно с мой кулак. Зелени всякой и компота. А вот на ужин — только зелень и четвертинка лепёшки. С чаем, конечно.

— Вы ж так с голоду помрёте!

— Выживу, — улыбнулась я. — Мне нужно не только душу, но и тело от пороков освободить. Так что помоги мне в этом.

— Ну, в этом деле и помочь не грех, — немного подумав, произнесла Люция. — Только вы, госпожа Анна, уж лучше б не в комнате своей питались, а как все приличные люди за столом внизу, раз уже здоровы.

— Прекрасная мысль. Так и поступим. Единственное... У меня есть какая-нибудь домашняя одежда? А то неудобно целый день в нарядном платье ходить.

— Нет ничего. Вы ж из себя всегда знатную даму строили, куда не напьётесь. Поэтому всё только красивое и надевали, — расстроила меня женщина.

— Жаль. А купить можно? Халат или простенькое свободное платьице?

— Купить можно. Только у вас денег нет, а господин Марко больше давать их не собирается.

— А если продать что-то из моих нарядов? Или из драгоценностей? — внесла я новое предложение.

— Тогда лучше платье продайте. Его быстрее купят. А вот золотишко приберегите до трудных времён.

— Поможешь?

— Завтра же и сделаю. Но... — замялась служанка. — Надеюсь, вы деньги не прогуляете?

— Не волнуйся. Тем более хочу тебя просить ещё об одной услуге. Подбери мне сама на рынке что-то удобное из одежды. Чтобы без посторонней помощи надеть могла и движений не стесняло. А ещё лучше, если не одну, а пару вещей купишь. Конечно, если денег хватит.

— Вот теперь верю, что вам действительно память отшибло. Да за ваши наряды половину рынка скупить можно. Они ж все из заморских тканей. От персов их везли, поэтому цену немалую имеют.

— Прекрасно, Люция! Значит, я могу на тебя рассчитывать?

— Чего уж там. Рассчитывайте. Только не пожалеть бы мне потом...

— Даю обещание, что никаких гулянок! И можешь хранить остаток денег у себя, если так спокойнее будет.

Но нашим утренним планам не суждено было сбыться. Не успела я после завтрака выбрать наряд, который отправится через рынок к новой хозяйке, как кто-то стал с улицы долбить в дверь. Люция во внутреннем дворике кашеварит, поэтому я решила открыть сама.

На пороге стояла щуплая старушонка и деревянным молоточком на цепочке била по медной пластине на стене. Понятно: местный дверной звонок в действии. Такой не только хозяев разбудит, но и людей на соседней улице.

А бабуля, судя по наряду и огромному количеству украшений, очень непростая.

— Утро доброе, — приветливо улыбнулась я. — Что вы хотели?

— Господин Ищейка здесь проживает? У меня к нему дело, — тревожной скороговоркой произнесла посетительница.

— К сожалению, муж сейчас в отъезде. Быть может, ему что-нибудь передать?

— Ну не в дверях же, милочка!

— Извините. Конечно же, нет. Милости просим... эээ...

— Ванесса Грема, — правильно поняла она мою заминку.

Мы расположились в гостиной. Люция, увидев, что я самовольно распоряжаюсь посетительницей, слегка нахмурилась, но по кружечке чаю нам принесла.

— Когда приедет господин Ищейка? — сразу же перешла к делу Ванесса Грема.

— Через несколько дней.

— Плохо... Не успеем поймать вора.

— Какого вора? — не поняла я.

— Того, что украл у меня свадебный подарок моего покойного мужа. Это брошь с большим бриллиантом в золотой оправе. Представляете! Вчера вернулась из гостей от Стеллы Макуто, отцепила брошь от своего синего платья, положила его в шкатулку...

— Платье?

— Какая вы недогадливая! Брошь, конечно! У меня для платьев есть отдельная большая комната, а не шкатулка! Отцепила её, положила в шкатулку. А шкатулку закрыла на ключ. Сегодня думала поехать ещё к одной подружке на обед, стала подбирать наряд и украшения. Открываю шкатулочку, а брошка пропала!

— Там были ещё драгоценности? — профессионально заинтересовалась я.

— Конечно. Но всё на месте. Но не о них сейчас говорим. Получается, что брошь могла взять лишь моя личная служанка Лия. Видать, пока я спала, ключик стащила, шкатулку открыла и бриллиант умыкнула.

— У неё самой спрашивали?

— Хотела, но... — замялась важная старуха. — Постеснялась. Уж больно девочка хорошая, заботливая. Я ж Нану с детства знаю. Никогда плохих поводов не давала. А вдруг это не она сделала? Я ж испереживаюсь вся, что обидела невинное создание!

— Нана? Вы же говорили, что Лия?

— Точно! Лия! Нана — это покойная мать её.

— Расскажите свой день подробнее. Вернее, начните с поездки к подруге.

— Да всё как всегда. Позавчера, ближе к вечеру, приделась, брошь повесила.

— Извините, но вы изначально говорили, что вчера ездили?

— Точно! Но это к Стелле вчера, а позавчера — к Веронике. Да неважно! Доживёте до семидесяти лет — тоже начнёте в мелочах путаться!

— Вы очень молодо выглядите, — сделал я небольшой комплимент. — Продолжайте.

— Возле зеркала осмотрела себя. Мне так идёт красный цвет, вы даже не представляете! После поездки вернулась домой, отцепила брошь, положила её в шкатулку и больше не видела. Вот и хотела, чтобы уважаемый Марко Ищейка нашёл пропажу, пока её из города не увезли. Здесь уж точно такую приметную вещь продавать не будут. Но не судьба, видимо...

— Кажется, вашему горю помочь можно, — улыбнулась я. — Мой вам совет: поезжайте домой и осмотрите платье.

— Уже два раза смотрела! Нет ничего!

— А вы не синее, а красное гляньте.

— С чего бы это?

— Ну, всякое бывает.

Недовольно фыркнув, старуха встала, достаточно холодно попрощалась и ушла.

— А чего это вы про её платье всё говорили? — заинтересованно спросила Люция, слышавшая всю беседу.

— Всё просто, — пояснила я. — Женщина в возрасте и явно страдает рассеянностью. То имя служанки забудет или что делала в ближайшие дни. И вначале она была твёрдо уверена, что надевала синее платье. А потом сама не заметила, как стала расхваливать красное. Значит, перепутала, в какой день какое надевала. Я до конца не уверена, но есть подозрение, что забытое украшение так и висит на красном платье.

— Я б заметила брошь, на каком бы платье ни висела, — возразила служанка. — Вещь очень приметная, должно быть.

— Я бы тоже. Но у этой Ванессы...

— Не у «этой», госпожа, а у Ванессы Грема. Очень известная на весь Борено особа! У неё в семье несколько поколений прекрасных ювелиров, что славятся по всей земле! Вы уж попочтительнее к таким особам.

— Спасибо. Учту. Так вот, у нашей многоуважаемой особы гардероб должен занимать огромную комнату. И на красное платье среди нескольких десятков других просто сложно обратить внимание. Да и зрение уже не то должно быть.

— Как вы всё интересно вывернули, — уважительно произнесла Люция. — А ведь и вправду может такое случиться.

Я оказалась права. Прошло чуть больше часа, и счастливая старушка вновь постучалась в нашу дверь. На её груди, почти орденом, гордо сияла роскошная брошь с алмазом величиной с грецкий орех.

— Дорогая! — сделав игривый пасс руками, произнесла Грема. — У меня просто нет слов! И я хотела бы с вами кое о чём поговорить. Не возражаете?

— Конечно, нет, — улыбкой на улыбку ответила я. — Проходите. Всегда рада хорошим гостям.

— И выгодным, дорогая! Всегда очень выгодным!

Последняя реплика меня насторожила и одновременно очень сильно заинтриговала.

10.

Вместе с Ванессой Грема мы снова расположились за столом и начали вести очень интересную беседу. Хотя я больше молчала, а вот энергичная старушка не закрывала рот.

— Анна! Тут половина города головы себе ломает и строит различные предположения, почему Ищейка ради вас отказался от титула и покинул родные края. Некоторые дурочки даже утверждали, что вы господина Марко приворотным зельем опоили.

— А что? Такое есть? — усмехнулась я.

— Не знаю. Сама никогда не видела. Не о нём сейчас! Так вот... Уж извините за прямоту, но женщина не самой хорошей репутации просто не могла до такой степени покорить блестящего и умнейшего Истинного аристократа. Значит, где-то есть подвох. Его все и пытались найти.

Но теперь я раскусила вас! Не такая уж вы, Анна, и простушка! Да и муж ваш умеет думать головой, раз отыскал себе жену с ТАКИМ уникальным Даром!

То, как Ванесса закатила глаза, выделив слово «таким», мне совсем не понравилось. Кажется, она выстроила в своих мозгах некую схему, которую вот-вот озвучит.

— Что молчите, Анна? Удивлены моей прозорливостью? — довольно произнесла старушка.

— Постепенно начинаю удивляться, госпожа Грема, — как можно нейтральнее ответила я. — Очень интересно услышать о своём, как вы говорите, даре.

— Вы, дорогая... Чувствуете драгоценности! Вот так! А?! Поражены, как быстро я это поняла?! Ну признайтесь же?

— Госпожа...

— Зови меня просто Ванессой, — перебив, улыбнулась гостья. — Ну, какие условности между подругами и, быть может, компаньонками?

Ничего себе! Я, оказывается, уже дружу с этой особой и почти вместе работаю! Как бы не удочерила ещё через часок-другой знакомства!

— Хорошо, Ванесса, — не выдавая своих эмоций, кивнула я. — Дружба с вами — это честь для меня. Только должна вас расстроить: никакого дара у меня не было и нет.

— Какая ты, Анна, упрямая. Но от меня ничего не скроешь. Твоя ошибка в том, что слишком быстро отыскала мою брошь. Этим себя и выдала. Если бы поехали ко мне, вместе поискали, порылись, и лишь после этого брошь бы нашлась, то я б легко допустила случайность. А так: за несколько минут общения на светские темы понять, что моя пропавшая драгоценность осталась приколотой к зелёному платью...

— К красному, — автоматически поправила я.

— Нет, к зелёному. Но оно висело рядом с красным. Вы специально так хотели запутать меня и скрыть свой талант?

Блин! Оказывается, кроме красного и синего, было ещё и зелёное платье, про которое забывчивая подружка-старушка даже не заикнулась на первом допросе... Пардон, беседе. Не удивлюсь, если скоро выяснится, то терялась не эта брошка, а совсем другая.

— Случайность, — призналась я без какой-то надежды, что мне поверят.

Так оно и оказалось.

— Пусть будет «случайность», дорогая, — произнесла Ванесса и заговорщицки мне подмигнула. — Всем так говорить и будем. Но на твоей «случайности» можно очень хорошо заработать. Борено — город портовый. Тут часто ошивается всякая шваль, воры, авантюристы разных мастей. Им есть чем у нас поживиться.

Думаешь, почему я решила, что брошь не потерялась, а пропала? Потому что это не первый случай за последний месяц! Какой-то хитроумный вор уже обчистил двух моих друзей. Это только те, про кого знаю. А сколько скрывают пропажу?

— Почему скрывают? — не поняла я. — Разве не лучше было бы заявить в... стражу, например.

— Эти? — усмехнулась Ванесса. — Да им только пьяных разнимать! Даже пропавшую на рынке свинью найти не смогут. А уж о более серьёзных вещах и говорить не приходится. Поэтому никто не признаётся в открытую, чтобы воров не насторожить и себя раззявой не выставить. Все ищут собственными силами, втихую между собой шушукаясь.

— Странно. Мой муж...

— Вот господин Ищейка — другое дело! Но он со своим Даром читать мёртвые души всё больше убийствами да разбойниками всякими кровавыми занимается. Такого зла у нас тоже хватает. Я ж говорю — портовый город. Если господин Марко со своим отрядом начнёт ещё вещи искать, то закопается в них с головой.

Хотя иногда в частном порядке и берётся. Но только тогда, когда время есть и понимает, что дело не безнадёжное. Я поэтому и приехала к вам. Даже не ожидала, что настолько повезёт познакомиться с тобой, Анна!

Ты представляешь, как мы можем озолотиться с твоим Даром чувствовать драгоценности? Я нахожу тех, кто пострадал от воров, а ты попьёшь чайку, как со мной, и тут же скажешь, где спрятана украденная вещь. Двадцатая часть от стоимости по праву наша! Ну и ещё в придачу благодарность важных людей Борено. Она порою ценнее золотых монет будет.

— Я...

— Не благодари! — в очередной раз перебила меня словоохотливая мадам. — Я сразу в тебя поверила, поэтому и предложила стать компаньонками. И учти, что себе буду брать всего четверть от доходов, а всё остальное — твоё. Могла бы и бесплатно: свои деньги до конца жизни не потрачу. Даже если титул себе купить захочу, то ещё и внукам с правнуками не бедствовать хватит. Только мне так скучно стало жить после шестого десятка лет, что радуюсь любому развлечению.

Но если бесплатно работать, то интерес пропадает. Нужно всегда видеть результат своих усилий. И поверь женщине, которая всю жизнь прожила среди ювелиров: золото — это лучшее мерило успеха. Так что четверть прибыли обязательно возьму себе. И не пытайся торговаться! Я этого не переносу.

Меня только одно немного волнует. Про тебя, Анна, столько нехороших сплетен и слухов по Борено ходит... Да и не всё слухи. Но ты непохожа на ту, что описывается в них. Мила, вежлива, умна в разговоре. Признаться, давно не встречала такую шикарную собеседницу!

И мы с тобой пьём чай, а не вино, которое, по словам сплетниц, предпочитаешь остальным напиткам. Уж я-то в людях разбираюсь и вижу, что не играешь со мной в приличную девушку, а такой и являешься. В чём настоящая причина твоей скверной репутации?

Я задумалась, как ответить так, чтобы и не соврать сильно, и себя хоть немного обелить перед обществом. То, что старушка болтлива и имеет много знакомых — это хорошо. Вмиг растрезвонит среди кумушек, что жена Ищейки не такая уж и пропащая. Глядишь, и перестану быть «паршивой овцой» в городе, где придётся провести свою жизнь.

— Ну... — обтекаемо выдала я, в надежде, что Ванесса за меня всё додумает сама, найдя удобоваримую причину прошлого поведения. — В тумане виден лишь туман. Поэтому в нём и хорошо прятаться.

— Поняла, — глубокомысленно кивнула старушка, непонятно что поняв. — Умный и неожиданный для всех ход! Я ведь сразу заприметила, что ты непроста! А оказалось даже, что ОЧЕНЬ непроста! Господин Ищейка в тебе не ошибся! Когда приступаем к поиску драгоценностей?

— Подождите...

— Анна! Перестань мне выкать, словно мы не подруги! Тем более, что я сразу старше себе кажусь от подобного чрезмерного уважения среди своих. Да! Тело уже не новое, но душой я до сих пор молода, как и в восемнадцать лет! А может и ещё моложе!

— Хорошо, Ванесса. Только у меня нет никакого Дара. Хочу повторить это во второй раз, если в первый ты не услышала. Просто в случае с твоей брошью сопоставила факты и...

— Ох, хитра! Опять в тумане своём прячешься. Уговорила. Торопить пока не буду. Понимаю, что хочешь всё взвесить и спокойно принять верное решение.

Да что же это такое?! Хотя одну фразу даст мне закончить болтливая старуха?! Чувствую, что начинаю заводиться. Мало того, что «божий одуванчик» постоянно перебивает, так ещё и не хочет слышать, что ей говорят.

Пытаясь успокоиться, сделала несколько глубоких вдохов и почти спокойно сказала.

— Да. Мне нужно взвесить. Есть определённые сложности. Поэтому пока повременю с согласием.

— О чём я и говорила! — победно произнесла Ванесса Грема, вставая. — Думай. Размышляй. И спасибо за такую интереснейшую беседу. Скоро встретимся. Ну а пока мне пора. И не волнуйся, твою тайну никому не выдам. Мы же подруги!

Оставшись одна, долго приходила в себя после гостии. Задурила энергичная старушка голову так, что ум за разум заходит. Хотя в её болтовне было очень много ценной информации.

Во-первых, я живу в портовом городе с непростой криминогенной обстановкой и слабой службой правопорядка. Во-вторых, аристократизм и богатство — это не одно и то же. Иначе бы Ванесса не обмолвилась о том, что, несмотря на большое состояние, ленится покупать титул.

Но самая важная информация была по Марко Ищейке. Он, оказывается, работает здесь в «убойном отделе». И ещё имеет какой-то Дар связываться с душами. В подобную мистику я до последнего времени не верила. Но перенос из мира в мир показал, что не всё до такой степени однозначно.

Нужно будет у Люции всё подробно выведать. Служанки, кстати, рядом не наблюдалось. Видимо, прозорливая женщина сразу поняла, что будет лишней при разговоре, и быстро ушла, оставив нас с Ванессой наедине.

Что ж... Пойду искать её.

11.

Люция нашлась быстро. Она стояла, закатав рукава, около объёмного корыта и стирала.

— Давай помогу, — предложила я. — В четыре руки быстрее справимся.

— Спасибо, только не господское это дело, — вежливо отказала мне служанка.

— Вообще-то я из простой семьи, так что подвинься и принцессу из меня не делай.

Люция удивлённо посмотрела, но промолчала. Мы быстренько простирали всё бельишко и развесили его сушиться под ярким южным солнцем.

— Чем займёмся дальше? — поинтересовалась я у Люции.

— Вам чего-то надо от меня? — сделала она свои почти правильные выводы.

— Всем от всех всегда чего-то надо. Но мне просто скучно. Вот и коротаю время как могу.

— Раньше, госпожа Анна, не скучали.

— А вот сейчас что-то противно сидеть просто так в комнате.

— Видать, в правильную сторону вас шибануло. Даже взгляд другой. Ладно. Мне на кухне нужно повозиться, так что можете помочь немного.

Летняя кухонька оказалась не такой просторной, как выглядела из моего окна. Люция моментально включила на ней «генерала», опасливо косясь в мою сторону. Но быстро успокоилась, видя, что с дурными советами я не лезу и покладисто подаю то, что затребовала истинная хозяйка «кулинарного дворца».

— Люция... А что за Дар такой странный у Марко? Пытаюсь вспомнить и не могу.

— Так и знала, что неспроста помогать взялись, — пробормотала служанка, крепкими пухлыми руками замешивая тесто. — Но Дар тот известный. После Великого Испытания...

— Чего?

— Вы и этого, госпожа Анна, не помните? Было такое в давности давней. В Святых книгах всё описано. Жили люди, всё больше и больше погрязая в грехах, извратив Слово Господне. И пришла им кара. В небе появилась красная звезда, которая рассыпалась на много звёздочек. От этого земли вздыбились, да волны огромные на берега выплеснулись.

— Ну а потом? — спросила я, видя, что служанка замолчала.

— Известно что. Народу погибло уйма. Те, кто выжил, вернулись в лоно Христа. Но некоторые заболели странной болезнью. После неё кто-то помирал, не справившись с греховным грузом, а кто-то воспарил к небесам ещё при жизни, получив Дары. Последние и начали править людьми. Некоторые стали землю чувствовать, часть одарённых погоду руками делать. Да у каждого своё! Вон наш король Филипп, как и вся его семья, мысли читает.

Ну а Верутти получили редкий, но не такой уж и выгодный с виду Дар. Они могут после смерти человека пару часов с его душой общаться. И та врать не может. Вроде нестоящая вещь, но, как я и говорила, редкая. Да и короли наши нашли, как пристроить такое умение. Так что Верутти всегда короне служили и ни в чём не нуждались.

Когда господина Марко от семьи отлучили, так все бургомистры Ремской Империи просто завалили его просьбами приехать к ним. Такого человека, который без титула не может служить у короля в столичном Реме, но может обуздать душегубцев, готовы с руками оторвать. В Борено предложили вашей семье лучшие условия, поэтому господин Марко у нас и обосновался.

И вот прямо так ко двору пришёлся, что не нарадуемся на него. Столько кровопийц различных извёл за эти три года, что даже в порту пьяные моряки за ножи хвататься опасаются. Про остальных и говорить не приходится! Повезло Борено с таким Ищейкой. Прошлый-то без Дара был, да и выпивоха знатный.

— А почему Марко все зовут не по титулу?

— С отречением от семьи Верутти потерял он право называться с приставкой «дон» и по родовой фамилии. Конечно, не простолюдин, только какая профессия, такая теперь и фамилия. Но, госпожа Анна, всё равно уважение к нему безмерное.

Даже сам бургомистр не чурается первым вставать при появлении господина Ищейки. Да и проконсул нашей провинции, уважаемый дон Лука Резетто, хоть и не приглашает на балы Истинной аристократии, но у себя в гостях принимает как равного.

— Истинная аристократия? — зацепилась я за словосочетание, которое уже слышала из уст Ванессы. — Есть ещё и другая?

— Имеется, — кивнула Люция. — Истинная все либо доны, либо донны. А вот Титульная, которая купила или заслужила право отделиться от простолюдинов, у тех между именем и фамилией приставка «де». Наш бургомистр, кстати, предлагал за заслуги вашему мужу называться Марко де Борено... По нашему городу фамилию иметь. Но тот отверг, сказав, что бывшему Истинному аристократу нужно быть либо наверху, либо на дне ямы, а не лететь в неё не пойми кем.

— Зачем же нужны тогда Титульные аристократы, если они не имеют Дара? — не поняла этот момент я.

— Всё сгодится. Во-первых, это тоже уважение людское. Ну а во-вторых, есть возможность подняться по карьере. Некоторые посты простолюдином недоступны, а для Истинных аристократов слишком незначительны. Вот их Титульные и заполняют. Как наш бургомистр Джузеппе де Мاستрочи, например. Умный мужчина, хоть и без Дара. Поэтому и смог выслужиться. Кажись, ясно всё объяснила?

— Спасибо, тётушка Люция. Теперь хоть понимаю, что к чему. Но у меня есть к вам ещё одно дело...

Я пересказала ей разговор с Ванессой Грема, не упустив ни одного момента. Служанка долго молчала, во время раздумий смастерив из теста не лепёшки, а три настоящие птицы, которые на большой деревянной лопате отправила в печь. Потом она, придя к какому-то знаменателю, произнесла.

— Не знаю... Вот я бы на вашем месте поступила точно так же, если мозгов хватило. И даже, наверное, приняла предложение госпожи Грема. А чего? Весна наступить не успеет, как вы станете одинокой женщиной, о которой никто не сможет позаботиться. Что дальше делать? Чужое исподнее стирать или у печи стоять? Вряд ли сможете. Кто из простолюдинов хорошей жизни попробовал, то редко в прошлую войти без слёз сможет.

Но и с госпожой Грема тоже связываться опасно. Она на весь Борено особа известная. Чудачка и сплетница ещё та! Тем более и Дара вы никакого не имеете... Не знаю... Думайте сами. Только если в тяжёлый момент возможности появляются, значит, их Господь посылает. Как бревно утопающему. Схватитесь за брёвнышко удачно: повезло.

— А если не хвататься?

— Тут, госпожа Анна, сложно всё. Но я бы потом всю жизнь жалела, что подобного не сделала. Поверьте старой Люции! Упущенные возможности неприятнее неправильных поступков, да и вспоминаются тягостнее.

— Спасибо, — поблагодарила я за такой размытый, но хоть какой-то совет.

Перед сном я снова и снова прокручивала в своей голове этот странный день. Столько всего нового и необычного свалилось, начиная с поиска броши и заканчивая откровениями про Дар. Теперь выводы Ванессы, что я чуть ли не ведьма, уже не кажутся такими бредовыми. И ещё всё как-то странно с этим миром...

Вроде бы многие вещи напоминают мою прошлую землю, даже религия почти один в один. Но при этом и различия серьёзные имеются. Видимо, реально тут произошла какая-то

глобальная катастрофа, после которой история пошла по иному пути, чем у меня на родине. Книжки бы умные почитать про это всё. Только у меня их нет. Попросила у Люции, но служанка такими вещами не балуется. По её признанию, сама еле-еле по слогам читает и до ста с трудом счёт выучила. Раньше и этого не знала, но пришлось. Господин Ищейка заставил заняться образованием, так как при его деле желательно, чтобы все слуги были хоть немного грамотными. Интересно... А я сама читать-писать умею? Не удивлюсь, если прошлая Анна не заморачивалась с такими вещами. С неё станется!

Но я уверена, что Марко читает. Даже видела два книжных стеллажа в его кабинете, когда он мне разнос с обвинениями устраивал. Когда он придет, нужно будет у него что-нибудь выклянчить из литературы поумней. Но вначале собраться с духом. Не думаю, что муженёк за время поездки изменил отношение ко мне. Ох, и сложно с ним всё! Вдобавок ко всему, обидно, что отдуваюсь за чужие грехи.

На следующий день, почти сразу после обеда, снова кто-то начал колотить в дверь дома. Хотя тут не надо быть провидицей, чтобы понять, кого нелёгкая принесла. Так и есть! На пороге стоит взволнованная Ванесса Грема.

Вежливо поздоровавшись, пригласила пройти внутрь, грустно представляя, что опять придётся пережить словесное цунами. Но «подружка» удивила.

— Анна! Быстро собирайся и поехали! — чуть ли не подпрыгивая от нетерпения, воскликнула она. — Дело не ждёт!

— Вообще-то я взяла время подумать о твоём предложении.

— Ну, так я поэтому и не с утра заявила, — не моргнув глазом, парировала бойкая старушенция. — Хватит думать! Надо драгоценности искать! Представляешь, сегодня обворовали ещё одну мою знакомую. Столько утащили, что даже язык вслух произносить отказывается. На саму жену смотрителя порта злодеи покусились. Это же какую наглость иметь надо! Но ты не волнуйся. Она уже у меня, дожидается твоего приезда.

— Когда это было? — моментально переключилась я с ленивого состояния в боевое. — Что известно? Следы преступники оставили?

— А я почём знаю? Мелани вся в слезах и слова нормально выговорить не может. Вот ты её и порасспрашиваешь.

— Мне надо минут десять на сборы, — приняла окончательное решение я.

— Жду на улице в карете. Ты уж постарайся, милая! Уж больно мне Мелани жалко.

Я успела собраться даже раньше. И уже через пять минут тряслась в карете по узким улочкам Борено.

12.

Впервые за пределами своего дома. Почти не слушая болтовню Ванессы, сижу и пялюсь в окно, жадно рассматривая новый мир. Безумно интересно! Мне всё больше и больше нравится место, в которое я попала. Каждый дом, каждая узкая улочка дышат неповторимой сказочной стариной, так любимой мною ещё с детства. До того как меня вышвырнули из дома, не раз приходилось бывать с родителями в Риме, Милане, Венеции. И таких поездок ждала намного сильнее, чем пафосные отели на Бали или Майорке.

Какая-то магия есть в этих стенах с облупившейся местами штукатуркой, окошечках с деревянными ставнями-жалюзи, спасающими от игривых южных солнечных лучей, но пропускающих свет от них.

Черепичные крыши домов, старинные мостовые, по булыжникам которых ходили Страдивари и Галилей... И, быть может, в том небольшом домике именно сейчас папа Карло выстреливает из полена Пиноккио? Не удивлюсь. Настоящее и выдуманное перемешивается в подобных городках, пробуждая веру в Чудо.

Постепенно вид домов за окном стал меняться. Они уже не так плотно жмутся друг к другу. Улицы становятся всё шире и шире, а сама архитектура становится более дорогой, помпезной. Кажется, въезжаем в квартал для очень состоятельных людей. Тут уже не простые дома, а почти дворцы.

Интересно, почему же Ищейка, несмотря на всё уважение к нему, живёт в пусть и достаточно зажиточном квартале, но не в таком элитном? Кажется, он говорил о том, что наш дом ему подарил магистрат Борено. Наверное, в этом кроется основная причина. К тому же бывшему аристократу могут быть неприятны напоминания дороговизной о его прошлом статусе. Вон, даже от Титульного звания отказался. Не зря, не зря... Видимо, Марко сильно переживает отлучение от семьи.

За разглядыванием своей новой жизни сама не заметила, как мы въехали в широкие ворота и через небольшой парк добрались до трёхэтажного белоснежного особняка.

— Приехали, — пояснила Ванесса. — Даже жаль немного прерывать такую занимательную беседу с тобой.

Услышав про какую-то там «беседу», я внутренне усмехнулась. Всю дорогу «трещала» одна госпожа Грема, а я даже пары фраз не произнесла. Видимо, болтливая старушка нашла в моём лице хорошую слушательницу и теперь наслаждается возможностью говорить без остановки.

По широкой мраморной лестнице мы вошли в просторный холл, от которого вёл коридор в шикарную гостиную. Множество картин в дорогих золотых рамах облагораживали стены. Причём я сразу оценила, что висит не мазня какая-то, а настоящее искусство, которое через несколько веков будут продавать на элитных аукционах за астрономические суммы.

Потолочная роспись на библейские темы заставила чуть ли не свернуть шею, когда я непроизвольно с восторгом задрала голову. Небеса, на них какие-то милые ангелочки... Очень красиво и к тому же даёт ощущение, будто бы потолка совсем нет.

Инкрустированная и покрытая золотой краской мебель тоже вызывает восторг. Тут всё говорит о настоящем богатстве хозяев дома. Сравнила свою спальню с этим роскошеством и поняла, что зря сделала: лёгкая «жабочка» тут же заворочалась в груди. Теперь ясно, почему прошлая Анна бесилась, когда поняла, что пролетела мимо подобной жизни.

Но важнее всего было не убранство гостиной, а её посетительницы. В красивых дорогих платьях за круглым столом восседали три женщины примерно от пятидесяти до семидесяти лет. Самая молодая из них явно недавно плакала. Скорее всего, это и есть та самая Мелани.

— Стелла! Вероника! — удивлённо воскликнула хозяйка дома. — А вы как тут очутились?

— Как это «как»? — с лёгким укором посмотрела на хозяйку дома одна из дам. — Ты же сама со слугами прислала записки, чтобы мы немедля ехали к тебе.

— Да? Значит, опять забыла. Но это даже и к лучшему, так как вас тоже обворовали негодяи. Разрешите представить жену господина Ищейки, госпожу Анну. У неё есть потрясающий Дар...

— Про её «дары» слухов много по Борено ходит. Один другого неприличней.

— Стелла! Ты то не слушай, а слушай меня. Уж я врать-то не буду... если опять чего не перепутаю. Анна имеет Дар чувствовать драгоценности. Я сама вчера убедилась на примере своей броши. Так что, подруги, советую довериться этой особе, если хотите своё вернуть.

— Ещё одна шарлатанка, — недовольно скривившись, сделала вывод та, которая по логике должна носить имя Вероника.

— У вас здоровый скептицизм, — как ни в чём не бывало, с улыбкой ответила я. — И вы абсолютно правы. Госпожа Грема немного опять ... эээ... перепутала. Никакого Дара действительно не имею. Простая наблюдательность и умение сопоставлять факты. Ничего более.

— Неважно! — привычным жестом отмахнулась Ванесса. — Пропажу-то нашла! А мы с тобой всего лишь несколько минут знакомы были, когда ты, не выходя из собственного дома, рассказала мне, где брошь находится.

— Я сейчас на всё согласна, — всхлипнула свежееобворованная Мелани. — Семейные драгоценности... Их на свадьбу передавали от матери к дочери пять поколений моих предков! Всё! Всё исчезло!

— Что ещё пропало? — переключилась я с ненужных споров на дело. — Кроме семейных реликвий?

— Ещё золотом монет пятьсот. А также иные украшения. Весь шкаф пуст... И ведь с утра всё было на месте!

— Вы хранили их в шкафу?

— Естественно. Столько всего ни в один ларец не поместиться.

— Значит, это явно не слуги втихую украли, — сделала первый вывод я.

— Почему? — всё так же подозрительно глядя, спросила Вероника. — Им легче всего к богатству подобраться.

— А вы сами представьте, как можно незаметно, среди бела дня пронести через весь дом большой тяжеленный мешок. Пятьсот золотых — совсем не пушинка и места много занимают. Про драгоценности тоже не забудьте.

— Да. Сложно. Но кто ещё мог? В доме полно людей, и чужака бы приметили. Дверь на ключ, окна закрыты...

— А я вообще в комнате без окон храню, — выдала новую информацию Мелани. — И ключ от этой двери только у меня.

— А можно осмотреть место преступления? — попросила я, не ожидая положительного ответа.

— Конечно! — внезапно легко согласилась она. — Хоть весь дом, если это поможет найти семейные драгоценности!

— А почему вы ... ээээ... госпожа Анна, не хотите и наши комнаты осмотреть? — с лёгким подозрением поинтересовалась Вероника. — Нас ведь тоже обворовали.

— Когда?

— Меня два дня назад, а Стеллу — три.

— Кучно работают, мерзавцы. Но на ваш вопрос отвечу вопросом... После кражи в ваших комнатах убирались?

— Естественно! Не в конюшне живём! — оскорбилась мадам.

— Значит, если были следы, то они уже пропали под тряпками добросовестных служанок. А у госпожи Мелани ещё всё свежее. Можем найти зацепочку.

— Выезжаем немедленно! — за всех решила бойкая Ванесса Грема. — Подруги! Мы обязательно выведем на чистую воду негодяев и вернём ваши драгоценности!

Её азартный оптимизм передался другим женщинам, поэтому через несколько минут мы, рассеившись по каретам, поехали на место преступления. Дом Мелани оказался почти рядом. Дольше экипажи к парадному подъезду ждали.

Внутри нового особняка всё то же великолепие, что и у Ванессы. Ничего удивительного: дамы одного круга и достатка. Правда, комната, где Мелани хранит свои наряды и драгоценности, достаточно строга и без лишних изящных вещей, если не считать несколько рядов платьев, каждое из которых по цене потянет на половину моей доли от дома Марко Ищейки... Мне так кажется.

Но начала я с осмотра не комнаты, а дверного замка. С виду в нём никто не ковырялся, хотя тут невооружённым глазом можно и не заметить.

— Эх... — вслух озвучила свою мысль я. — Хотя бы какое-нибудь стекло увеличительное...

— Увеличительное? — услышав меня, переспросила Мелани. — У моего мужа есть несколько для чтения. Сейчас распоряжусь принести.

Буквально через несколько минут появился важный мужчина в серой ливрее и красных панталонах. Но больше всего мне понравились его белые шерстяные гольфы, украшенные огромными зелёными помпонами. Вид серьёзного дедушки и такого наряда не сочетался до такой степени, что с трудом подавила смех.

С благодарностью приняв роскошную лупу с рукояткой из красного дерева, вновь осмотрела замок. Точно, нет никаких свежих царапин. Значит, отмычками не пользовались. Версию, что награбленное ушло через дверь, отмечаем.

Осмотр комнаты показал, что никаких возможностей выйти из неё нет. Если только... Подойдя к огромному камину, внимательно присмотрелась. Такое ощущение, что сажа из трубы недавно осыпалась. Хм...

— Скажите, а давно этим камином пользовались?

— Давно, госпожа, — за хозяйку ответил мажордом. — С осени не разжигали.

— Тогда откуда здесь столько сажи?

— Трубочисты. Буквально утром чистили дымоходы в доме. Убрать за ними ещё не успели.

Ничего не сказав, я молча подошла к массивному резному шкафу, где раньше хранились драгоценности, и осмотрела каждый выдвижной ящик через лупу. На некоторых видны слегка заметные тёмные отпечатки. Провела по ним пальцем. Так и есть! Сажа!

— А скажите-ка...

— Леонардо, госпожа.

— Скажите, Леонардо. Трубочисты знакомые или пришлые?

— Договаривался несколько дней назад Густаво Чистильщик. Он всегда к нам ходит. Но трубы чистил не сам, а два его молодых подмастерья. Недавно обоих взял.

— А чего ж не сам-то?

— Он и раньше к кружечке винца равнодушным был, а теперь совсем много пить стал. Пьяным же Густаво никогда на крышу не лезет: в молодости упал, перебрав разок. Жив остался, но перепугался сильно. Так что когда сам не может, то подмастерья приходят. Но ребята хорошие, серьёзные. До этого разгильдяи были такие, что хоть сам после них трубы чисти.

— Уважаемые дамы! — довольно произнесла я. — Дело раскрыто! Осталось лишь поймать преступников и узнать, где они награбленное держат!

13.

Кажется, моё радостное настроение никто не разделяет. Все женщины смотрят как на конченную дуру. Вот что значит не иметь профильного образования или, на худой конец, не смотреть детективных сериалов.

— Элементарно, Ватс... дамы, — произнесла я коронную фразу сыщиков, сделав важно-скужающий вид. — Сажа из камина не могла сама по себе попасть в шкаф с драгоценностями. Но она есть. Значит, вор пробрался сюда через камин, а потом также незаметно ушёл.

— Чушь! — резко возразила недоверчивая Вероника. — Что смог спуститься сюда, допущу легко. Но вот чтобы подняться обратно на крышу... Такое не под силу даже силачу. Труба слишком узкая, чтобы по ней ползти вверх лишь с помощью кончиков пальцев. Ещё и с тяжестью на плечах!

— Вы очень прозорливы, — продолжила я вежливо гнуть свою линию, — но не учитываете одного важного факта. Трубочистов было двое. Я почти уверена, что один из них был маленьким и шупленьким, а второй достаточно атлетически сложен.

— Именно такие, госпожа Анна, к нам и приходили, — посмотрев на меня, как на ведьму, удивлённо проговорил мажордом Леонардо.

— И я даже объясню почему. Все присутствующие здесь абсолютно правы: один человек через дымоход камина ничего бы не смог украсть. Поэтому и действовали в паре. Маленького спускают в комнату, он набивает мешки добром, и потом тот, который сильный, поднимает всё на крышу. Ну и своего приятеля тоже. Мелкому достаточно обвязаться верёвками и не надо прилагать никаких усилий для подъёма.

Дальше эти трубочисты пересыпают добро в свои грязные мешки с инструментами и спокойно уходят. Ну, а вы им ещё за кражу... вернее, за чистку труб с благодарностью приплачиваете.

— Ах, скоты! — не выдержав, воскликнула Стелла, всплеснув руками. — Нужно срочно их поймать!

— Не торопитесь, — продолжила я курс элементарной дедукции. — Во-первых, необходимо удостовериться, что и в остальных домах орудовала эта шайка трубочистов. Во-вторых, без драгоценностей их брать нельзя — нет доказательства кражи. Если они не дураки... а они не дураки, то бесполезно расспрашивать. Зачем им в преступлении признаваться, самим на себя каторгу вещая? А драгоценности должны быть хорошо спрятаны. В-третьих, нужно понять, орудовали ли они одни или были ещё сообщники.

— Густаво Чистильщик и натравил, — невозмутимо выразил своё мнение Леонардо.

— Думаю, что нет, — возразила я. — Человек работал столько лет, и ничего подобного не было. Скорее всего, разбойники разработали свой план, убрали каким-то способом старых подмастерьев, ну а дальше без проблем выключили из трудового процесса Густаво. Достаточно вовремя налить пьянчужке. Зная, что в таком состоянии он на крышу не полезет, можно легко вершить свои тёмные делишки. Чистильщик — всего лишь ширма! Главное: ненавязчиво направить его договориться о работе в определённый дом.

Меня больше смущает другой вопрос... Почему так рьяно взялись именно за вас? Каждый или через день лезут в ваши дома. Дома людей, которые между собой хорошо знакомы. Быть может, недавно собирались вместе на каком-нибудь светском приёме? Там вас могли заметить и заодно оценить украшения на каждой. Или есть наводчик, хорошо ваши дома знающий?

— Точно! Было! — щёлкнула пальцами довольная своей памятью Ванесса. — Две недели назад на дне рождения у Бриджиты Тоурес гуляли!

— У Бриджиты день рождения был в прошлом месяце, а две недели назад мы собирались на балу в честь основания города, — поправила рассеянную старушку Стелла.

— Да какая разница! Главное, что собирались! И своей компанией гуляли потом на пикнике!

— Значит, именно там вас и заприметили, — удовлетворённо кивнула я. — Ну, а дальше легко было проследить, где кто живёт. Уверена, что ваши дома недалеко друг от друга находятся.

— Недалеко, — подтвердила недоверчивая Вероника. — Но мало знать дом. Надо ещё и представлять, в какой комнате были драгоценности и какой дымоход к ним ведёт. Человеку со стороны подобное не под силу.

— Под силу. Разговорить слугу в кабаке после нескольких кружек вина или приударить за не очень красивой, но болтливой служанкой сможет любой хитрец. Самой мне этим заниматься неинтересно, но для полного понимания ситуации обязательно опросите своих слуг на предмет недавних странных знакомых. Уверена, найдёте того, кто ворам сдуру всё на блюдечке принёс.

— Соберём, — пообещала немного ожившая Мелани. — Но надо срочно брать вору проклятых!

— Ещё раз повторю, — по второму разу начала терпеливо объяснять я. — Просто так скрутить без доказательств вины — плохая затея.

— Ничего! Стражники признание выбьют!

— А если трубочисты окажутся невиновны? Если наговорят на себя, лишь бы боль не терпеть? Их тогда в тюрьму или на каторгу отправят. Но своих драгоценностей вы не получите, так как они спокойно будут лежать в карманах настоящих воров.

— Вы же сказали, что виноваты трубочисты! Да и я после ваших слов понимаю, что больше никому!

— Мы все понимаем, — поддержала подругу Стелла.

— И всё равно ошибку исключать нельзя, пока за руку не поймали, — достаточно жёстко ответила я. — Иначе сами в душегубов превратимся! Большой грех, на который я идти не собираюсь.

— Не поймать их за руку, — высказала явно общее мнение кумушек Ванесса.

— Не факт... Ограбили всех, кроме тебя.

— А брошь?

— Она не считается: сама же её потеряла. Значит, в порядке исключения получается, что в твой, Ванесса, следующий дом залезут.

— А мы их схватим и скрутим! — кровожадно произнесла Вероника, потирая ладони. — А потом кааак...

— Мы всего лишь проследим за ними, — перебила я мстительные мечтания женщины. — Проследим именно до того места, где они ценности прячут. И вот уже там, со всеми уликами, возьмём.

— Так, а меня чего? — недоумённо посмотрела Ванесса. — Тоже обворовывать надо?

— Один разок не помешает. Но ты не волнуйся. Не обязательно что-то ценное вора подсовывать. Кучу безделушек подложим на всякий случай, и этого будет достаточно. Поверь, вору на месте разбираться, что из золота с бриллиантами, а что из меди со стекляшками, не станут.

— Ещё чего! — оскорблённо расправила плечи старушка. — Чтобы потом на каждом углу судачили, что жена ювелира Грема носит фальшивки? Нет! Положу всё настоящее! Только... Брошь любимую при себе оставляю.

Препиралась долго, но потом вроде бы со мной все согласились, и мы уехали с Ванессой в её особняк, оставив эту своеобразную компанию женщин разбираться со своими слугами.

Уже в доме Грема спокойно разработали план завтрашней операции. Оказывается, что завтра с утра действительно должны прийти чистить трубы. Пазл сложился! Я маскируюсь среди длинного ряда платьев. Потом, убедившись, что воры обнесли особняк, даю знак в окно для слуг, чтобы сами начинали слежку, если я не успею выбежать на улицу.

Спускаюсь во двор и стараюсь тайно проследить за ворами до их схрона. Ну а дальше моя силовая поддержка из крепких мужичков скручивает воров для дальнейшей душевной беседы. При наличии улики её проведу легко.

И не таких раскалывала! Один брачный аферист с говорящей фамилией Баболюбов чего стоил. Вот кто был мастер тень на плетень наводить! Ничего, и он «поплыл», в какой-то момент поняв, что всё его обаяние и хорошо подвешенный язык не работают против с виду неопытной, молоденькой следователя. Баболюбов мне потом даже из тюрьмы открытки на Восьмое марта присылал — вот как душевно мы с ним допрос провели.

Ни свет ни заря у уже была у Ванессы. Она взвинченная, на нервах. Пришлось её немного успокоить, объяснив, что мне ничего не угрожает. Даже если воришка и найдёт «шпионку», то я смогу за себя постоять. Ну или просто вызову мужчин, что будут подстраховывать за дверью.

— Госпожи, трубочисты пришли, — невозмутимо сообщил мажордом.

— С богом! — выдохнула я, одним глотком допивая свой безумно ароматный кофе.

Быстро пройдя в «сокровищницу», затаилась среди платьев так, чтобы иметь хороший обзор. Примерно через полчаса началось. Вначале раздался шорох с кряхтением, а за ними тихий осторожный кашель. Потом из камина вылез щуплый воришка, статью своей напоминающий не мужчину, а недоразвитого подростка. Он кинулся к шкафу, осмотрел его и начал ссыпать всё из шкапулок в небольшой чёрный от копоти мешок.

Удостоверившись, что всё ценное забрал, на цыпочках прошёл обратно, привязал добычу к торчащей из камина верёвке и два раза её дёрнул. Мешок исчез. Но вскоре верёвка появилась снова, и уже вор отправился вверх по дымоходу.

Я сразу кинулась вон из комнаты, на бегу показывая бледной Ванессе большой палец. Мол, всё идёт по плану. На улицу успела даже раньше трубочистов. Они же не спеша переговаривались с управляющим, а потом погрузились в телегу, запряжённую полусонной клячей, и уехали.

Радуются, наверное, удачно проделанной работе. Только зря. Я и ещё дюжина мужчин: меньше Ванесса наотрез отказалась давать, скрываясь за углами и арками, проследили за ворами. Небольшой полуразвалившийся домик на окраине был концом нашего маршрута. Мы подождали в кустах, пока преступники не войдут в него, а потом кинулись к окнам. Здоровенный «трубочист» счистил лопатой землю с пола, потом с натугой поднял крышку люка. Да уж! Замаскировали тайник хорошо! Не зная о его расположении, ни за что бы сами не нашли.

Тихо переговариваясь, воры с мешками залезли в погреб. И вот тут настало наше время! Вбежав внутрь, один из самых храбрых, но слабоумных из моей команды попытался тоже спуститься в подвал.

— Куда?! — остановила я его.

— Морды бить! — последовал незамедлительный ответ.

— Дурень! Нож в задницу захотел, пока по лестнице опускаться будешь?

— А чё делать-то?

— Люк закрывай.

Мужчины быстро выполнили моё приказание, а потом мы просто сидели и наслаждались долбёжкой снизу и очень неприличными выражениями от пойманных в западню воришек. Я не торопилась их выпускать на поверхность. Пусть немного придут в себя, оценят обстановку. Ну а к следующему утру, созрев, уже будут в состоянии вести откровенный разговор.

14.

От планов мариновать воров всю ночь пришлось отказаться. Оставлять незнакомых мне мужчин наедине с ними опасно. Слуги могут не выдержать и действительно набить морды трубочистам. Или ещё хуже: сговориться. В подвале огромное состояние, которого простолюдинам на всю жизнь хватит. Могут поддасться искусу.

Но и мне самой сидеть тут всю ночь в компании незнакомых мужиков совсем не нравится. К тому же не подготовлена к ночным бдениям — даже тёплой шали нет. Долго думала, как поступить лучше, но выручила Ванесса со своей женской бандой.

Как только они получили сообщение от гонца, что воры захвачены, не раздумывая, запрыгнули в свои кареты и прикатили к нам.

— Где они?! — чуть ли не прорычала разгневанная Мелани, сверкая очами так, что даже мне не по себе стало.

— Трубочисты или фамильные драгоценности? — спокойно поинтересовалась я, желая немного сбить накал страстей.

— И те и другие! Одни повешу на себя, а других — на виселицу! Лично! Собственными руками!

Судя по взглядам остальных дам, они с удовольствием присоединятся к этому действию. А что? В принципе, это то, что мне нужно. Но женщин стоит немного подготовить для игры в очень злых и одну добрейшую полицейскую.

— Всё будет, госпожа Мелани и другие госпожи, — в который раз начала я объяснять им прописные для себя истины. — Но уверена, что негодяи ограбили не только вас. Необходимо выяснить, в какие дома они ещё залезли, и вернуть похищенное хозяевам.

— Вернуть с выкупом, — шепнула мне на ухо Ванесса. — Не будем изображать из себя дур, работающих бесплатно.

— Хорошо. Но выяснить и отдать всё равно надо. Для этого мне просто необходима ваша помощь.

Объяснив им задачу, я приказала открыть подвал. Теперь уже бывшие трубочисты с опаской вылезли наружу и чуть было опять не занырнули в подвал. Я бы тоже испугалась, когда на меня надвигаются такие злые тётеньки. Особенно страшна Вероника, откуда-то доставшая огромные портняжные ножницы и так многозначительно ими щёлкавшая, что не оставалось никакого сомнения, что она хочет отрезать своим обидчикам.

Я сделала вид, что заступилась за преступников и с трудом выставила женщин из дома.

— Они вернуться, — после этого сказала воришкам. — Сейчас опомнятся и вернуться. Остановить их я одна не смогу.

— А мужчины? — проблеял здоровяк неожиданно тоненьким голоском.

— Это их слуги, поэтому своим господам они перечесть не смеют. Но если вы мне сейчас подробно расскажете, в какие ещё дома проникали, есть шанс довезти вас до городской стражи и спрятать в тюрьму. Сложно, но, повторюсь, шанс есть.

Ломались они недолго, и вскоре я имела на руках полный список потерпевших. Ещё три серьёзных дома было на их совести.

С ощущением хорошо проделанной работы я... вернее, мы запихали заключённых в одну из карет и повезли в местный полицейский участок, или, как здесь говорят, в дом городской стражи.

Упитанный красномордый мужик в зелёном расстёгнутом кителе сидел за столом и пером для письма гонял по нему какого-то жука. Увидев нашу процессию, он до такой степени удивился, что даже несколько раз потряс головой, словно отгоняя от себя наваждение.

— Капитан Эдмонт! — выйдя вперёд, приказным тоном сказала Ванесса Грема. — Это опасные злодеи, и мы требуем посадить их в тюрьму!

К удивлению, этот капитан стражи подобному проявлению бдительности граждан не обрадовался. Минут десять шло настоящее препирательство, несмотря на то, что мы объяснили, в чём вина задержанных. Если в Борено вся стража такая, то я понимаю, почему люди сами пытаются решить свои проблемы.

Всё закончилось лишь тогда, когда потерявшая терпение Мелани прошипела красномордому прямо в лицо:

— У меня муж — начальник портовой стражи! Если ты, скотина, сейчас не сделаешь то, что мы велели, завтра тебя попрут со службы и в нашем городе даже матросом на трухлявое корыто не возьмут! Поверь, связи позволяют!

Против такого решительного напора расхристаный капитан устоять не смог.

— Сейчас посажу, — наконец-то сдался он. — А наворованное где? Я должен...

— Обойдётся! — перебив его, сказала Ванесса, снова взяв бразды правления в свои руки. — За собой вначале следить научись, а уж потом за сокровищами! Сами кому надо отдадим! И учти, что если выпустишь этих двоих или они сбегут, то мы до самого бургомистра дойдём. Тогда лучше сам в петлю лезь.

Оставив расстроенного капитана стражи выполнять свои прямые обязанности, мы всей толпой вышли на свежий воздух. Я было попросила Ванессу отвезти меня домой, но та заартачилась.

— Анна! Не говори глупостей! Нам ещё необходимо вернуть украденное хозяевам. Кроме наших домов эти мерзавцы обчистили ещё три, где живут наши «заклятые подружки». Как их мужья купили Титульное дворянство, так эти нахалки до такой степени нос задрали, что противно смотреть. Зато мы с удовольствием поглядим, как вытянутся их лица, когда мы принесём этим растяпам их драгоценности. Поверь, подобное зрелище ни с чем не сравнимо!

— Да-да! — подтвердила Мелани. — А потом устроим небольшой пир в честь твоего замечательного Дара.

— Вы же сами видели, — с улыбкой ответила я, решив, что Мелани шутит, — никакого Дара нет, а всего лишь немного наблюдательности.

— Не приbedняйся. Ванесса нам рассказала, что через какой-то туман ты видишь то, что в нём прячется. Ну и в уме тебе тоже не откажешь, подруга.

Стелла и Вероника синхронно закивали, подтверждая, что так оно и есть. Вот чёрт... Мало того, что помимо воли у меня резко прибавилось «подружек», так ещё чуть ли не за Истинную аристократку держат. И хотя я совсем не против, чтобы иметь связи среди не последних дам Борено, но вот самозванство очень опасно. Могут за него и голову с плеч снять. А мне моя головушка очень дорога.

— Нет никакого Дара, — более твёрдо возразила я. — Ванесса с туманом опять напутала.

— Ничего я не напутала. Ты сама говорила.

— Неважно. Просто хочу при свидетелях чётко заявить, что никакого Дара у меня нет, а раскрытое преступление — это всего лишь сопоставление фактов. Да, я могу их сопоставлять! Не всегда, но могу. В этом весь секрет. Только очень прошу, воспринимайте меня как обыкновенного человека. И ещё...

Уважаемые Стелла Макуто, Вероника Труччо и Мелани Россо! Хотя мы мало знакомы, но для меня честь считаться вашими подругами. Надеюсь, вам не придётся жалеть, что приняли в свой кружок простую девушку, к тому же с не самой хорошей репутацией.

— Простая? — хитро прищурилась Мелани. — Нет, Анна, простых мы за версту чуем, да и определённые манеры не скроешь. Но раз ты сказала, что Дара у тебя нет, то пусть так оно и будет... Хотя подругам врать и нехорошо, но спишем это на твою репутацию. С ней ты,

кстати, сплеховала сегодня, полностью раскрывшись перед нами. Девушка ты хорошая, но вот актриса ужасная. Так плохо сыграть простолюдинку очень сложно.

Я молча, с улыбкой вздохнула. Почему-то в правду верят меньше, чем в ложь. Поэтому мошенники никогда не переводятся.

В разборке драгоценностей принимать участия не стала. Да и с праздничными посиделками уговорила повременить, так как сегодня всем будет не до них. А вот на днях с удовольствием приму предложение посплетничать в тесном кругу. Так им и сказала, мысленно отметив для себя, что это будет не только приятно, но и очень познавательно в плане изучения местных реалий.

Дамы подобного уровня лучше любого интернет-сайта поведают обо всех подробностях светской и не очень жизни Борено. Считаю, что сегодня я вытянула счастливый билетик. У меня скоро состоится развод, и крепкие дружеские связи совсем не помешают одинокой попаданке. Надеюсь, и я им пригожусь со временем. Сидеть на шее у этих слегка взбалмошных, но, безусловно, милых женщин будет просто стыдно.

Ванесса, не переставая всю дорогу болтать, любезно довезла меня до дома. Только войдя в свою комнату, поняла, насколько сегодня устала и проголодалась. Довольная Люция, не почувствовав от меня запаха алкоголя, быстренько накрыла на стол и с таким деланным равнодушием поинтересовалась, как я съездила, что тут и мыслей читать не нужно уметь. Служанка сгорает от любопытства.

Не стала её мучить и рассказала о сегодняшнем расследовании. Охов и ахов было много.

— Первый раз про такое слышу! Ну, муж ваш, тот, конечно, в разных переделках бывал. Только так ловко всё у вас вышло, что Ищейкой сами по праву величаться можете. И... — неожиданно замявшись, поинтересовалась Люция. — Госпожа Анна, а вы уверены, что Даром никаким не обладаете?

— И ты туда же? — посмотрела я на неё с лёгким укором.

— А чего? Правы уважаемые дамы: всё слишком умно для простолюдинки сделали. Может, не помните? Может, бабка ваша или прабабка с каким-нибудь Истинным аристократом на сеновале «отдохнула»? Вот Дар в вашей крови и остался. Вы покопайтесь в своей памяти. Должно быть что-то.

— Да я не помню до сих пор, что было неделю назад!

— Как скажете... Но всё-таки подумайте над моими словами. Где-то что-то должно вылезти и объяснить ваши способности.

У меня больше не осталось сил оправдываться на ровном месте.

— Подумаю, — согласилась я, лишь бы все отстали с нелепыми домыслами. — Но потом. Сейчас я хочу просто лишь отдохнуть.

15.

На следующий день я ощутила себя если не миллионершей, то почти ею. Всему виной новые подружки. Ближе к обеду они заявили в мой дом всей толпой, приведя Люцию в шок от такого количества одномоментно нахлынувших гостей. Мы разместились за большим столом в гостиной на первом этаже. И сразу же на этот стол сопровождающими дам слугами были выставлены большие кожаные кошельки... Или небольшие мешки? Тут всё подходит.

— Что это? — недоумённо поинтересовалась я у женщин.

— Как что? — ответила Ванесса, глядя на меня, как на умалишённую. — Анна, с тобой всё в порядке? Раньше думала, что у меня одной путаница в голове бывает. Это деньги за найденные сокровища. Как и договаривались, двадцатая часть от них. И свою четверть я уже взяла.

— Что-то много...

— Ну, мы ещё и с других стрясли, когда украденное добро им возвращали, — пояснила Мелани. — Зря ты с нами вчера не поехала! Как эти зазнайки пыхтели и краснели, когда именно мы их пропажи привезли. И руки трясутся от радости, и стыдно: те, от кого ещё вчера нос воротили, вдруг их благодетельствовали. Софи де Тоскана — та чуть вообще в обморок не грохнулась, когда Ванесса ей небрежно швырнула на стол украшения и поинтересовалась: «Не твоё? Больше не знаю никого, кто бы такую пошлость носить смог.»

— Остальные ненамного лучше были, — подтвердила рассказ Стелла. — Так что, подруга, всё тобой заработано честно.

— Вот именно, что подруга, — очень неловко почувствовав себя, попыталась отказаться я. — С чужих людей деньги возьму, а вот с вас не стану.

— Ещё чего! — возмутилась Вероника. — Ты дружбу и выгоду не путай. Тем более, когда ты за розыск взялась, никакими подругами мы не были. Да и будь ими... Вот я, например, самая дорогая в городе швея. У меня около тридцати искусных женщин работает, и все они заказами на несколько месяцев вперёд загружены. Думаешь, своим подругам бесплатно шью?

Или «Ювелирный дом Грема» раздаёт украшения подружкам направо и налево? А Мелани, имея мужа начальника порта, просто так делится информацией, какие нужные нам товары только что прибыли в Борено, чтобы их прямо с причала подешевле скупить можно было? На том и имеет свой процент от нашей выгоды. У Стеллы же лучшая выпечка в городе, и она тоже просто так ею не делится.

Всё почему? Потому что мы личные отношения и дела не путаем. Конечно, делаем друг другу скидочки, но не более. Ну, за исключением праздников. Тут сам бог велел именинницу порадовать.

— Вот именно, — кивнула Ванесса. — Во-первых, мы уважаем чужой труд и не считаем, что имеем право злоупотреблять своими отношениями. А во-вторых, когда платишь, не так наглеешь. Будь для меня пироги и торты Стеллы бесплатными, то я бы обязательно её объела.

— А я бы каждый день навещала в ювелирный магазинчик Грема за новым украшением! — рассмеялась Стелла. — Но только после того, как примерила очередное бесплатное, но очень шикарное платье от Вероники Труччо. Представляешь, как бы потом все прикидывали, насколько стали беднее от таких подружек?

Ты, Анна, по сравнению с нами ещё слишком молода, поэтому больше думаешь не головой, а сердцем. А дружить лучше и тем и другим! Тогда не разочаруешься в подругах.

В трудную минуту мы все, конечно, без всякой выгоды идём друг другу на выручку, но это когда действительно нужно поддержать. Ну и хорошие доверительные посиделки никто не

отменял. Так что не смей стесняться честно заработанных денег. Благодаря твоим усилиям мы не только вернули дорогие вещи, но и своё настроение снова улучшили.

— Уговорили, — с улыбкой ответила я, прижатая доводами женщин к стенке. — И сколько я заработала?

— Почти три тысячи золотых, — огорошила меня такой суммой Ванесса. — Пересчитывать будешь?

— Зачем? Разве я не могу доверять подругам?

— Молодец! Это правильно! Хотела тебя проверить, но вижу, что не зря ты нам понравилась.

— Но... — продолжила я. — Деньги приму при одном условии. Это моя первая удачная сделка, поэтому предлагаю её отметить близким кругом в хорошем месте! И я оплачиваю праздник!

— Тогда едем в «Жемчужину»! — моментально предложила Стелла Макуто.

— Так и знала, что свой ресторан предложишь, — с лёгким ехидством ответила ей Мелани.

— А что? Во-первых, он действительно лучший. Во-вторых, я уверена, что нас там не отравят. Ну и, в-третьих: глупо нести деньги на сторону. Пусть уж лучше я получу их, чем конкурентов кормить. Анне тоже выгодно будет, так как, кроме меня, ей никто скидку в четверть заказа сегодня не сделает. Правда, в остальные дни она будет, как и у вас, десятая часть от заказа.

— А вот ты на мои платья имеешь в пятую часть скидочку, — не преминула вставить своё слово Вероника.

— Так и денег я за них больше отдаю, чем ты за обед.

— Зато я обедаю каждую неделю, а не раз в сезон обновку заказываю.

— Обплатилась прям! Кто недавно не у меня, а у этого жирного Беруччи обедал? А, предательница? Ну а я же платья только у тебя заказываю и по твоим конкурентам не бегаю!

— Не бегаешь?! Скажи это своему жакету от Фонели! Ты думаешь, мне не доложили, как ты в позапрошлом месяце его «выгуливала»? Сколько он стоил? Золотых десять? Хотя нет! Этот бездарь такое позорище дороже четырёх монет не продаст!

— Позорище?! И это говорит мне та, что умудрилась сесть на торт со сливками, а потом втихоря облизывала пальцы? Я всё видела!

— А нечего было торт куда ни попадя ставить! Приличной даме уже на стул спокойно не сесть, чтобы во что-нибудь не вляпаться! И про пальцы — наговор! Но сливки были вкусными...

Слушая эту перебранку, незаметно начала улыбаться от уха до уха. Стелла и Вероника спорят азартно, но при этом видно, что подобное доставляет им удовольствие и нет никакой злости в их словах. Развлекаются дамы, соревнуются в остроловии. Так могут себя вести только настоящие подруги, проверенные временем. Ванесса и Мелани тоже не остались в стороне и по очереди подзуживали то одну, то другую спорщицу.

— Уговорила, едем в «Жемчужину», — первой сдалась Вероника. — Анна, иди спрячь деньги и переоденься во что-нибудь приличное.

— Это разве не приличное? — удивилась я такому заявлению. — И сколько денег с собой брать? Я просто недавно переболела, поэтому забыла некоторые вещи.

— Хорошо погулять пары золотых нам хватит и ещё останется. А по платью... Что-то меня вкус твой настораживает. Пойдём-ка, глянем гардероб. Заодно и деньги помогу отнести.

Войдя в мою комнату, Вероника небрежно бросила кошелек на кровать и сразу пошла рассматривать платья.

— Так. И что тут у нас? Посмотрим! Тряпка... Тряпка... Совсем безвкусная тряпка... Только материал хороший перевели... Руки оторвать портному... Этим коров смешить... Вот неплохое, но только для портовой девки... А это даже на тряпку стыдно брать.

Закончив критиковать наряды, Вероника окинула меня придирчивым взглядом с ног до головы и с грустью произнесла:

— Действительно, Анна. Пожалуй, на тебе самое достойное из всего недостойного барахла. Ты же почти голая получаешься! Жене господина Ищейки и не в чем выйти в люди!

— Раньше же как-то выходила, — почему-то покраснев от её заявления, попыталась оправдаться я. — И ничего! Жива!

— На рынок или в таверну грязную, хоть в лохмотьях ходи, никто слова не скажет. Но если хочешь соответствовать уважаемому мужу, то и сама уважение вызывать должна. Но ничего! Сегодня, так уж и быть, попозорюсь в этом, а завтра жду у себя. Подберём что-нибудь на первое время.

— Спасибо, Вероника. Только что-то не очень дорогое.

— А чего ты экономишь на себе? Денег вчера много заработала и имеешь полное право потратить их на хорошее дело. Даже ВАЖНОЕ, — выделила она основные слова, — для каждой НАСТОЯЩЕЙ женщины дело!

— Есть причины экономить, — туманно ответила, не вдаваясь в подробности. — Но и выглядеть прилично тоже очень хочется. Я ведь из далёкой горной деревушки и совсем не разбираюсь в местной моде.

— Не волнуйся, Анна. И моде научим, и всему остальному. Ты теперь в надёжных руках!

Мой отъезд из дома Люция восприняла очень настороженно. Видимо, до сих пор боится, что я сорвусь и опять чего-нибудь по пьяной лавочке устрою. И это случится в компании уважаемых особ, в очень приличном заведении. После такого точно будет не отмыть свою репутацию.

Страхи мне её понятны, но я-то знаю, что всё будет хорошо. Надеюсь, своим примерным поведением скоро сниму у служанки все подозрения в неадекватности госпожи Анны.

Ресторанчик «Жемчужина» не очень подходил под понятие ресторан. Он больше напоминал шикарный кабак с небольшим количеством мощных деревянных столов и таких же стульев. Но обслуживание на высоте. Вежливый швейцар с поклоном встретил нашу компанию у входа и проводил за столик. Моментально появился официант. Я напряглась, ожидая, что мне сейчас сунут под нос меню.

Уверена, что оно будет без картинок блюд. А вот умею ли я читать, не знаю. Очень не хочется своей безграмотностью опозориться перед новыми подругами. Но, слава богу, всё ограничилось тем, что было простое устное перечисление блюд, на данный момент готовящихся на кухне.

Я заказала себе спаржу и утиную грудку. К удивлению женщин, попросила не как они, белого вина, а всего лишь апельсинового сока. Объяснила это тем, что с недавних пор не могу пить ничего более крепкого, предпочитая иметь полностью ясную голову.

— Дар свой боишься потерять? — шепнула мне на ухо Мелани.

— Самой потеряться, — с улыбкой ответила я.

— Вот я так и поняла. Береги Дар.

Застолье оказалось невероятно весёлым и душевным. Почти два часа я наслаждалась великолепной кухней в компании очень неглупых женщин, умеющих переходить с серьёзных вещей на дурашливые разговорчики и наоборот. Чувствую, что они меня изучают. Как веду, как ем. Пью ли только сок или чего покрепче незаметно опрокидываю в себя.

Судя по тому, как мы мило распрощались, всё я делала правильно. Даже по манерам за столом было лишь одно замечание — матерчатую салфетку на колени не положила. Если бы заметили ещё чего, то скрывать не стали: у этой компании подружек всё прямо в лоб говорится. Иногда я даже удивлялась, насколько прямо. Но ведь никто ни на кого не обижается: значит, это в порядке вещей и много хорошего говорит о компании.

В приподнятом настроении вернулась домой. Но, кажется, больше меня радовалась Люция, увидевшая хозяйку трезвой.

— Госпожа Анна! — с довольной улыбкой произнесла она. — Вот до чего ж вы сегодня красивая! Прямо приятно посмотреть!

— Ну, до красоты мне ещё далеко, — честно ответила я. — Нужно будет как следует над собой поработать во всём. Так что потерпи с комплиментами хотя бы месяц. А там... Там посмотрим!

16.

Яркий ночной сон заставил меня опять усомниться в том, что я не во власти галлюцинаций. До такой степени он был реалистичный, что ощущение прошлого мира просто вопило, что это правда...

На небольшой свежий кладбищенский холмик устанавливают крест. Очень много живых цветов и венков с чёрными ленточками. Никогда не понимала их: это такой диссонанс между жизнью и смертью, что мурашки от неприятия бегут по спине и холодеют пальцы. А искусственные цветы? Они мёртвые изначально. И даже не цветы, а кусок пластика...

Но отчего-то пристально вглядываюсь в свежую могилу. К кресту приставлена фотография в рамке: улыбающаяся девушка в форме. И это... Я! От подобного открытия становится нестерпимо больно и страшно.

Вокруг могилы стоят люди. Я знаю их всех. Вот Сашка Енотов, не скрываясь, вытирает слёзы руками. Рядом с ним стоит Лёха Сурин. Он держится, но глаза красные и губа прокушена почти до крови. Мой непосредственный начальник полковник Семён Аркадьевич Муромов с виду спокоен, но так сжал кулаки, что кажется, будто бы сейчас начнёт крушить всё подряд. Остальные ребята не лучше...

Удивительно, но на похоронах есть ещё и люди, которых я знала до работы в полиции. Даже Юлия Фёдоровна, известная в прошлом актриса кино и театра, тоже тут. Сколько же она крови мне выпила и нервов потрепала на своих уроках! Но... пришла.

Неожиданно она приблизилась к полковнику Муромову.

— Извините, господин офицер, — произнесла Юлия Фёдоровна тихим, но заставляющим внимательно прислушиваться к себе голосом. — Я знала Венеру. А вы были её командиром?

— Начальником, — поправил он.

— Неважно. Скажите, если это не военная тайна, что случилось с моей девочкой?

— Не вашей, моей. Хотя... Я вас хорошо помню. Никогда не думал, что встречусь с такой великой актрисой вот так. При других бы обстоятельствах обязательно автограф бы попросил, но сейчас не могу.

А Венера... Тут нет никакой особой тайны. В нашей работе иногда подобное происходит. Взяли нарколабораторию, а в ней оказалась примитивная, но от этого не менее смертоносная ловушка. Венера её и вскрыла. Почти все уже вышли из помещения, кроме неё и одного нашего сотрудника, поднимающегося по лестнице. У того тоже лишь, извините, зад торчал под люком. В этот, опять извините, зад он и получил куском арматурины. Отделались все лёгким испугом.

А вот Венера... Шансов у неё не было: сильнейший передоз жутким наркотиком и контузия с черепно-мозговой. Пролежала в коме несколько дней. Врачи до последнего момента боролись за её жизнь. Но не судьба...

Воистину, первыми из жизни почему-то уходят самые достойные. Я ж эту девочку ещё на практике сразу приметил. Мне бы мужиков покрепче в отдел, но все телефоны оборвал, чтобы Венеру к нам направили на дальнейшую службу. Тут характер такой был, что с удовольствием для себя чуток его отщипнул бы.

— Вы правы, — согласно кивнула актриса. — Знаете, как я познакомилась с ней? Пришла на просмотр девчушка пятнадцати лет. Очередная блатная доченька сумасшедших родителей, которые готовят своих чад «в звёзды». Поэтому ничего от Венеры особого и не ожидала. Так и оказалось. Та прочитала пару басен Крылова и монолог Катерины из «Грозы». Хорошо прочитала. Только таких «хорошисток»: хоть пруд пруди.

— Как там тебя? Вена, — откровенно отмахиваясь, раздражённо говорю ей. — Тебе нужно подумать о другом выборе профессии, если не хочешь бездарно прожить свою жизнь.

— Не хочу, — согласилась она. — Но я не Вена, а Венера. Согласитесь, Юлия Фёдоровна, это большая разница.

Представляете! Какая-то соплюшка мне, народной артистке, делает замечание! И так спокойно, рассудительно это произносит, что я себя не бабкой старой, а той самой соплюхой почувствовала. Хотела возмутиться этой наглости, но, взглянув в большие карие глаза молодой девушки, позабыла все слова.

В них нет ни агрессии, ни какого-то подросткового вызова, а лишь внутреннее уважение к себе... и ко мне тоже. Словами всё не передать, но вдруг стало стыдно за свой слегка пренебрежительный тон. Венера огорчилась не тому, что её имя исковеркали, а то, что это позволил себе взрослый человек, тем самым унизив себя хамоватым тоном. Сбила мне «корону» одним махом!

И... Я взяла её в ученицы. Хотя, признаться, не так учила, как сама училась у этой удивительной девочки. Она мне помогала освободиться от «нафталина» прошлых заслуг и принять современность. Она дала мне энергию снова вернуться на сцену, а не ограничиваться лишь преподаванием. Она научила меня не только любить себя в искусстве, но и уважать других в нём. Список длинный могу зачитать... Вам могу, так как вы знали Венеру. Остальным не рискну. Не поймут! А выговориться сегодня очень хочется.

— Со мною тоже было нечто подобное... — вздохнул полковник. — Конечно, применительно к нашей службе, но сути это не меняет. Да и не я один такой. После трагедии в отделе битые жизнью, прошедшие «точки горячие» мужики плакали. У её фотографии с траурной ленточкой столько цветов, сколько никогда в жизни не видел. Конфеты, даже плюшевые игрушки... Мы столько смертей пережили и, к сожалению, ещё не раз переживём, но тут словно душу вынули.

Юлия Фёдоровна, мы сейчас на поминки поедem. Давайте с нами? Думаю, что Венера была бы рада увидеть вас в компании своих друзей-сослуживцев.

— А я её поминать не буду! — неожиданно отказалась актриса. — Мы, лицедеи, хоть бываем и не очень крепки умом, но некоторые научились чувствовать чужие души. Венера жива! Пусть и не так, как мы тут привыкли, но жива! Поэтому я сейчас приеду домой, поставлю на проигрыватель Луи Армстронга, налью себе самого дорогого шампанского и пожелаю нашей Венере удачи, где бы она ни была! Пусть ей повезёт! Она заслуживает это!

— Может, вы и правы, — не стал спорить Муромов.

— Я права. И ещё... У вас есть жена? Не любовница или прочая профурсетка, а именно любимая жена?

— Профурсеток не держим, — оскорбился полковник. — Моя Маша со мной почти сорок лет. При моей профессии столько выдержит исключительно любящая женщина. И я не предатель, чтобы бегать по другим бабам.

— Прекрасно, — как ни в чём не бывало улыбнулась актриса. — Вот вам с женой два билета на мой спектакль. Приходите обязательно. История про любовь, верность и стойкость. Наверное, это моя последняя роль. И, уверена, самая лучшая, так как, несмотря на то, что играю пожилую героиню, вдохновлял меня образ Венеры.

— Придём обязательно, — твёрдо пообещал полковник и неожиданно отдал честь. — Спасибо вам! Теперь мне почему-то тоже кажется, что наша Венера действительно жива!

Сон ушёл. Проснувшись, мокрыми от слёз глазами я смотрела в потолок, до сих пор ощущая ароматы того мира и запах сырой земли на собственной могиле. Быть может, это всего лишь действительно сон, наваждение. Но не покидает чувство, что только что заглянула в свою жизнь... или смерть.

И шемаящая грусть в груди заставила сжаться сердце. Неужели люди так обо мне думали? Я же не такая! Обыкновенная девушка с немного странной судьбой и ничего более! Чему я могла или могу научить? Да всю жизнь сама училась у достойных людей, таких как полковник Муромов или Юлия Фёдоровна!

Но если это всё правда, если действительно каким-то чудом подглядела кусочек родной реальности, то...

Встав с кровати, подошла к зеркалу и пристально всмотрелась в глаза своего отражения.

— Вы тоже, мои дорогие, для меня всегда рядом! Спасибо вам за науку и терпение! — вслух проговорила я, обращаясь через зазеркалье к близким людям. — Обещаю, что не подведу вас! Не дам даже маленького повода усомниться во мне. Пусть вы этого никогда не увидите и не узнаете, но обещаю... Нет! Клянусь!

Не знаю. Наверное, мне показалось, но отражение ожило на мгновение и слегка кивнуло, словно принимая мою клятву. Скорее всего, игра воображения или оптическая иллюзия от не до конца высохших слёз. Неважно. Все слова отпечатались не в зеркальной поверхности стекла, а в моей душе.

И вдруг мне стало легко и свободно. Словно я действительно попрощалась с прошлым миром. Он отпустил меня. Он благословил. Не держит зла, не хочет вернуть назад, а словно говорит: «*В добрый путь!*».

Окрылённая, я уже не могла спать, несмотря на очень раннее утро. Сделала энергичную зарядку, не щадя этого в прошлом ленивого тела. Потом умылась. Бодрая и свежая, подошла к окну, чтобы полюбоваться рассветом. Солнце только наполовину выползло из-за горизонта, разгоняя ночную темень. И вдруг острое желание нового охватило меня. Это же портовый город, а я до сих пор не была у моря!

Наверное, наплевав на то, что до сих пор не помню дороги к нему, всё равно пошла бы искать. Остановил лишь наряд. Ходить по улице в ночной полупрозрачной рубаше явно не стоит. А платье сама нормально не надену.

Ладненько... Придётся на некоторое время отложить мечту искупаться в бескрайней солёной водичке. Зато я знаю, что сегодня обязательно закажу у Вероники Тручко: наряд, который не мешает мне самой распоряжаться своим временем. Кроме удобного, элегантный тоже закажу. Или даже парочку! Если я уж пришла в этот мир, то должна выглядеть в нём достойно!

17.

Особняк Вероники Труччо произвёл на меня своеобразное впечатление. По своей красоте и помпезности он не выделялся среди подобных ему. Но как только я попала внутрь, то тут же окунулась в некий хаос, который, впрочем, был явно регулируемый. Туда-сюда сновали какие-то женщины с отрезами тканей, кто-то с кем-то спорил. Некоторые особы, чуть ли не столкнувшись на бегу, вдруг замирали и начинали шептаться, явно обсуждая какие-то важные то ли новости, то ли сплетни.

Я растерянно замерла на пороге, боясь, что это броуновское движение затянет и меня тоже.

— Дорогая! — громко возвестила о своём присутствии Вероника, элегантным парусником рассекая бурлящие людские волны. — Я думала, что раньше обеда ты не явишься. Видимо, сильно хочешь стать не только красивой, но и прекрасной, раз приехала в первой половине дня.

— Здравствуй, Вероника, — тепло поприветствовала я эту ухоженную, красивую, несмотря на шестидесятилетний возраст, женщину. — Предпочитаю все приятные дела делать с утра, чтобы потом весь день было хорошее настроение. У тебя всегда так шумно?

— Нет, конечно! Иначе бы я с ума сошла. Но мы получили известие от самой донны Марии Селенской, родной сестры нашего императора Филиппа. Три месяца назад я была в столице и там снимала с неё мерки. А теперь донна Мария собирается лично посетить мой скромный дом, чтобы оценить и забрать своё платье.

Из самого Рема ко мне едет! Это такая честь! Вот и готовимся к приезду важной гостьи. Заодно, пользуясь уникальной возможностью, хотим предоставить ей ещё несколько макетов наших платьев. Такую клиентку из рук выпускать нельзя! Пойдём со мной! Похвастаюсь своим творением, которое скоро может носить сама сестра императора!

Не дожидаясь ответа, Вероника схватила меня за руку и потащила по широкой мраморной лестнице на второй этаж. Несмотря на свои годы, женщина почти вприпрыжку бежала, явно находясь в приподнятом, азартном состоянии. Наш бег закончился в просторной комнате с огромным, во всю стену, зеркалом.

Посреди комнаты стоял манекен с пышным платьем. Кремовый и коричневый цвета так гармонично сочетались в нём, так плавно перетекали друг в друга на всех складках и искусно выполненной вышивке, что создавалось впечатление не просто одежды, а настоящего произведения искусства. Длинный, без пуговиц, больше напоминающий накидку жакет дополнял всё это великолепие, как бы слегка сдерживая своими чёткими линиями пышность юбки, но не закрывая собой композицию спереди.

— Что скажешь? — заставила меня отвлечься от созерцания Труччо. — Ты бы такое надела?

— Нет, — честно призналась я.

— Значит, платье удалось! Над твоим вкусом, Анна, мы ещё поработаем. А пока ты будешь моим эталоном безвкусицы.

— Ты не поняла, Вероника, — немного уязвлённо ответила я, ещё не до конца привыкшая к прямолинейности подружек. — Платье — чистый восторг! Но я бы не надела его, так как, во-первых, не настолько богата. Не дай бог испортить такую дорогую вещь! Ну и, во-вторых, чтобы носить подобное... Нужно иметь право его носить.

— Хм... Доводы принимаются. Хорошо! Раз ты, оказывается, ещё не совсем погрязла в трясине безвкусицы, то... Как, по-твоему? Чего не хватает этому платью?

— Хозяйки?

— Не то! Думай, Анна! Я чувствую, что чего-то не хватает! И остальные мои девочки чувствуют! Но за несколько месяцев работы над ним наши взоры притупились настолько, что не можем уловить правильный момент. Если ты имеешь Дар видеть скрытое в волшебном тумане...

— Вероника! Я не имею Дара. Я самая обыкновенная простолюдинка, которой повезло выйти замуж за аристократа.

— Как скажешь. Ты на платье смотри!

— Хорошо... Глядя на него, у меня почему-то возникает ассоциация с раковиной. Наверное, это от плавного перехода цветов на складках юбки.

— А ты, оказывается, чувственная натура, — уважительно посмотрела на меня Тручко. — Да, меня вдохновила именно раковина. Продолжай.

— С чем ассоциируется красивая ракушка? У меня с жемчугом.

— У меня тоже. Но если я вплету вышивку с ним в композицию, то это только утяжелит наряд. А хочется оставить его лёгким.

— А если не вышивать? Если добавить жемчужные аксессуары? Пояс, браслет и серьги с кулоном. Или небольшое тонкое ожерелье вместо кулона.

— Аксессуары? — замерла Вероника, а потом, внезапно заставив меня вздрогнуть, заорала кому-то за дверью. — Грифель и бумагу! Живо!

Всё появилось во мгновение ока. Чёткими, выверенными движениями женщина набросала на белом листе схематичное изображение платья. Прямо как настоящая художница, а не швея.

— Показывай, как видишь, — протянула она эскиз мне.

Я задумалась, а потом, взяв грифель, дополнила изображение картинкой из своей головы. Вероника рассматривала недолго. Потом подняла голову и с удивлением уставилась на меня.

— Анна, это немного смело, но... Я должна извиниться! Вкус у тебя явно присутствует. Ещё обсудим это, а сейчас нужно довести до ума и воплотить твои фантазии в жизнь. Поехали!

— Куда?

— К Ванессе Грема, конечно! Или ты думаешь, что кроме её сыновей и внуков кто-то справится за короткий срок с такими украшениями?

— А моё платье? — напомнила я о причине своего визита.

— Ты в этом безобразии несколько лет ходила! Потерпишь ещё четыре дня! Не упрямясь, мы должны закончить наше творение!

Мне ничего не оставалось делать, как подчиниться женщине, явно впавшей в творческий экстаз. Однако поехали мы не в особняк Грема, а в другой дом, где, как я поняла из рассказа Вероники, находились ювелирные мастерские и лавка.

Ванессу мы застали со стопкой бумаг в руках и отчитывающей какого-то нерадивого то ли клерка, то ли продавца. Я так и не поняла. Но как только Вероника выложила эскиз на стол и дала свои пояснения, Ванесса моментально выгнала парня и приказала позвать своего среднего сына.

— Если кто быстро и сделает, то только он. Младший сын и внуки ещё не набрались должного мастерства, а старший работает хоть и превосходно, но медленно, — пояснила она. — Крупный жемчуг у нас есть, золото и серебро тоже. Так что должны успеть к приезду донны Марии Селенской.

— Серебро? Зачем серебро? — переспросила Вероника и добавила: — Такой особе нужны лишь самые дорогие камни, жемчуг и металлы.

— Не волнуйся. Я видела твоё платье, и небольшие вкрапления серебра пойдут на пользу. Нужно разбавить тяжёлый золотой цвет украшений лёгким серебристым.

Женщины начали отчаянно спорить между собой, оставив меня не у дел. Пришлось несколько раз демонстративно кашлянуть, чтобы обратить на себя внимание.

— Дорогая, прости, — совсем не виноватым голосом повинилась Труччо. — Обещаю, что через четыре дня предоставлю все эскизы, сниму все мерки. А через неделю ты будешь самой элегантной женщиной в Борнео! Бери мой экипаж и поезжай домой.

— Да-да! Поезжай, — подтвердила Ванесса. — И если нам удастся правильно воплотить твои мысли в жизнь, то тогда с меня тоже причитается. Украшения «Ювелирного дома Грема» на самой принцессе — это дорогого стоит в плане репутации.

Мне ничего не оставалось делать, как несолоно хлебавши поехать домой.

Лучше бы не приезжала. Во дворе стоят две осёдланные лошади, а довольная Люция сообщила, что господин Марко вернулся из поездки. Почему-то сразу захотелось слинять куда-нибудь подальше. Опять этот «испанский стыд» наполнил мою душу. Как же хорошо, оказывается, мне жилось без Марко. Но нужно хотя бы с ним поздороваться. Заодно и вывести новости о прошении развода. Приняли или нет?

С этими мыслями я поднялась на второй этаж и была чуть не сбита Ищейкой, на ходу напяливавшим не свой обычный стильный чёрный сюртук, а кожаную, местами потёртую куртку. В руках он держал ножны то ли с мечом, то ли с широкой шпагой. Я в этом оружии не разбираюсь.

— С приездом, — вежливо поздоровалась я.

— Не сейчас, Анна. Потом поговорим. Ты ведь про развод шла узнавать?

— И про него тоже. Что случилось?

— Беда в порту. Время дорого. Отойди в сторону.

— Ты надолго?

— Не задавай в сотый раз этот глупый вопрос! — скривился он.

После этого невежливо отставил меня в сторону и чуть ли не бегом бросился на улицу.

Когда же я спустилась вслед за ним, то ни Ищейки, ни лошадей во дворе уже не было.

— Чего это он? — поинтересовалась я у служанки. — Бешеный какой-то.

— Да он всегда так. В порту кто-то напал на судно. Морячков уйму порезали, а дорогой товар из трюма вынесли. Вот господин Марко и торопится, чтобы от душ невинно убиенных узнать, кто на такое злодейство решился. Тут каждая минутка на счету!

— А потом что будет?

— Известно что, — пожала плечами Люция. — Если души ещё при теле, то покажут картину убийства. Тогда Ищейка пойдёт по следу, пока не поймаёт разбойников. А если души уже улетели, то тогда думать будет.

— И часто он так пропадает?

— Раньше почти дома и не появлялся, а сейчас изредка: меньше убийств в округе стало. Эх... Даже отдохнуть с Дино не успели. Только во двор въехали, как тут я с этим письмом, помощником начальника порта переданным. Лишь переоделись и всё. Опять могут голодными несколько дней по округе носиться. А даже пирог не взяли.

— Нам-то что теперь делать? — поинтересовалась я у многоопытной служанки.

— Ждать, госпожа Анна. Ждать и молиться, чтобы с господином Ищейкой и его отрядом ничего страшного не произошло. А то всякое бывало... Помните, как позапрошлым летом мужа вашего от разбойничьей стрелы в бок выхаживали?

— Не помню.

— Оттого, что не им, а собой были заняты. И это господина Марко ранило похуже стрелы. Я понимаю, что скоро перестанете быть ему женой. Только если, не дай бог, чего случится, то проявите хоть немного сочувствия.

— Хорошо, Люция. Но будем надеяться на лучшее.

— Обязательно будем, госпожа Анна. И молиться тоже...

18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.